

ПРОЛЕТАРСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ

ежемесячная марксистская газета

№ 105, июнь 2023

БАЛАНС СИЛ И КРИЗИС ПОРЯДКА

«Возможность революции возникает из-за неспособности капитализма поддерживать мировой порядок». Арриго Черветто комментирует этот тезис Ленина, обобщённый Адамом Уламом, в заметке 1980 года, которая является частью материалов для введения к «Унитарному империализму». Речь шла об объяснении, как марксизм использует теорию равновесия в своей концепции международных отношений: «Если «мировой порядок» сравним с «мировым равновесием», то мы можем предположить, что формула Ленина может быть переведена так: «Капитализм не в состоянии поддерживать глобальное равновесие». В словах Ленина, следовательно, содержится конкретное применение теории равновесия и есть также теория слома равновесия. Более того, можно сказать, что революционная теория является теорией слома мирового равновесия. В этом смысле теория революции и теория международных отношений, рассматриваемые на основе динамики порядок – слом, равновесие – нарушение равновесия, по Ленину, – это одно и то же. По Ленину, революция, то есть слом мирового равновесия, является международным, а не национальным результатом (в том числе и в 1905 году)».

На самом деле, наоборот, среди теоретиков правящего класса можно встретить ссылки на ленинскую работу «Империализм, как высшая стадия капитализма» и его концепцию борьбы между державами, само собой, с выхолащиванием революционными выводами. Роберт Гилпин, один из ведущих представителей реалистического направления в политических и экономических отношениях между государствами, регулярно цитируется в связи с его тезисами о неравномерном развитии, но его источником в работе «Война и изменения в мировой политике» (1981) является Ленин, полемизирующий с Карлом Каутским и доказывающий, что империалистическое развитие, изменяя соотношение силы, рассматривается как двигатель столкновения между державами.

Пьер Гроссер, который был директором по исследованиям в Дипломатическом институте министерства иностранных дел Франции на набережной Орсе, также сегодня рассматривает перспективы войны между США и Китаем, сравнивая концепции Ленина и Каутского. В своём тексте о противостоянии США и Китая «L'autre guerre froide?» он прибегает к интерпретации растущей напряжённости между Вашингтоном и Пекином как переходу от «ультраимпериализма» Карла Каутского, сотрудничества между Америкой и Китаем, к «межимпериалистической войне», как она понимается в теории Ленина. При этом он считает «возможным, но маловероятным» прямой конфликт между двумя великими державами, по типу первой мировой войны 1914 года. Суточением, однако, что

годы холодной войны были «горячей войной» в Азии: США там понесли 90 % своих потерь после 1945 года и в общей сложности эти войны стоили 20 миллионов жизней.

В нашем анализе мы используем формулу кризиса порядка, поскольку она охватывает более широкие общие аспекты, чем кризис равновесия в строгом смысле; это выражение следует понимать как распространяющееся также на политику, союзы и институты, которые относятся к этому равновесию. Но с другой стороны, понятие мирового порядка также является приближением. Именно неравномерное экономическое и политическое развитие не только препятствует заключению прочных соглашений о разделе между державами, но и, прежде всего, исключает возможность заключения соглашений, способных одновременно охватить все сферы мирового рынка. После второй мировой войны ялтинский раздел санкционировал биполярный баланс сил между США и СССР на Старом континенте за счёт европейского империализма, но мировая Ялта была невозможна. Относительная стабильность в Европе сочеталась с открытым противостоянием в Азии, следствием чего стало не менее десятка региональных войн. Опорой порядка были старые атлантические державы – не случайно их часто упоминают в качестве западного либерального порядка, – но Азия оставалась эпицентром напряжённости.

Комментируя начало кризиса глобальных отношений, мы писали в 2009 году о кризисе империалистического порядка. В «Тезисах» 1957 года предсказывался длительный период мирового капиталистического развития, в котором распространение этого развития на новые регионы и, в частности, на Азию, определит курс империализма на десятилетия, предотвращая общий кризис, перерастание в крупный мировой конфликт, а вместе с ним и возможность революционного перелома.

В 1973 году мировой кризис, вызванный нефтяным шоком, был кризисом реструктуризации, а не сломом мирового порядка, именно потому, что новые рынки всё ещё предлагали огромные возможности для империалистического развития.

Начиная с 1980-х годов, эти отношения между старыми и новыми областями обострились в цикле империалистического либеризма, который в современной публицистике называют глобализацией. Новое противостояние обозначило отношения между державами в условиях нового соотношения сил, обусловленного реструктуризацией. Между 1989 и 1991 годами новое противостояние достигло кульминации в импозитиве СССР: застойное состояние этого государства капитализма не могло справиться с мировым рынком в то время, когда исключительные

доходы от продажи нефти после потрясений 1973 и 1979 годов текли рекой. Перенапряжённый российский империализм был раздавлен начатой США гонкой вооружений.

Эта стратегическая катастрофа перезапустила либеристский цикл и, в частности, позволила Китаю расширить политику реформ и открытости, соединиться с мировым рынком и вступить в сорокалетний период его экономического чуда. Вокруг воссоединённой Германии и Рейнской оси между Парижем и Берлином Европа создала новые институциональные инструменты для своего единого рынка в связи с глобализацией и федерализовала монетарную власть в ЕЦБ и евро.

1990-е годы стали апогеем империалистического либеризма, или, если угодно, либерального порядка. Распространилась идеология умиротворённой глобализации, в которой роль государств и военной силы ослабевала; в 2001 году Китай вступил в ВТО, Всемирную торговую организацию. Это также был апогей вашингтонского консенсуса – набора правил и практик, ко-

торые определяли либеристский цикл при участии его международных организаций, таких как ВТО, Международный валютный фонд или Всемирный банк. Для триумфалистских идеологий, распространившихся в Америке, это также было кульминацией однополярного момента, открывшегося с распадом СССР, когда Соединённые Штаты стали единственной сверхдержавой, способной формировать мировой порядок.

С другой стороны, с точки зрения нашего марксистского анализа, реальный баланс сил всегда был многополярным; вашингтонский консенсус представлял собой картель держав империалистического либеризма, и только объединение Европы и наступление Китая вывели противостояние на уровень полюсов великих держав континентального масштаба. «Триумф капитала», с его глобальным утверждением, должен был обнажить его противоречия.

(Продолжение на стр. 2)

Lotta comunista, май 2023 г.

Содержание

БАЛАНС СИЛ И КРИЗИС ПОРЯДКА.....	стр. 1
Большая семёрка вызвана на сцену конфронтацией с Пекином	стр. 2-3
Эрозия монетарного порядка	стр. 4
<i>Европейские хроники</i>	
Война на Украине пробуждает польский национализм	стр. 5
Борьба за влияние в войне суданских генералов	стр. 6
<i>Издательская новинка</i>	
Сражение за будущее вида	стр. 7
Анатолийский оплот Эрдогана.....	стр. 8
<i>Страницы истории рабочего движения</i>	
Дать «Манифест» существующей партии	стр. 9
<i>Российские хроники</i>	
Единый фронт Кремля	стр.10
<i>Хроники Шёлкового пути</i>	
Два флота для переговоров.....	стр.11
<i>Борьба с коронавирусом</i>	
Китайские вакцины в поле зрения.....	стр.12
Внуки Олбрайт в Фогги Боттом	стр. 13
<i>Атом и индустриализация науки</i>	
Британские исследования и американский капитал.....	стр. 14
<i>Мировое сражение в автопроме</i>	
Софт в автомобиле.....	стр. 15
Хиросима и Пекин	стр. 16
Суть момента	стр. 16

Наука об освобождении рабочего класса

Наука и борьба в «Капитале»	стр. I
Наука и классы.....	стр. II
Генезис политической экономии.....	стр. III
Законы движения капитала.....	стр. IV

Большая семейка конфронтацией

(начало на стр. 1)

Уже в 1997 году азиатские кризисы, возникшие именно на тех рынках, которые продлили долгое мировое развитие, поставили под вопрос стратегический цикл, обозначенный в «Тезисах» 1957 года. Если развитие Азии отодвинуло кризис старых держав империализма, а теперь кризис поразил именно Азию, то не является ли это сигналом о скором завершении цикла?

Если бы это было условием противостояния, отмечали мы в 1998 году в статье «Развитие и кризис унитарного империализма», то это означало бы, что развитие мирового рынка больше не в состоянии сдерживать «конкуренцию между старыми и новыми империалистическими державами» в условиях цикла империалистического либеризма. Эта конкуренция происходила бы «в условиях кризиса и империалистического протекционизма», и это стало бы «признаком зарождающейся фазы нового цикла».

В то время мы считали, что эти кризисы «по качеству и диапазону» не были такими, чтобы вызвать изменение знака цикла, и анализировали их как кризисы интернационализации. Вопрос, однако, был поставлен. В 2000-х годах вторжение Китая начало резко менять соотношение сил в мировом балансе, трансформируя именно «качество» и «диапазон» империалистических противоречий. Война по выбору США в Ираке в 2003 году санкционировала новую стратегическую фазу, в которой старый стратегический цикл, определённый в 1957 году, должен был подойти к концу; финансовый шторм 2008 года ещё не ознаменовал краха порядка, но определённо демонстрировал его кризис, который в этом смысле был кризисом глобальных отношений. В 2020 году пандемия столетия и в 2022-м украинская война послужили поводом для исключительных планов государственного вмешательства, вызвав, однако, структурный поворот к направлениям промышленной политики, мерам неявного протекционизма и тенденции к возврату к государственному капитализму. Темпы, с которыми старый либеристский цикл переходит в новые условия кризиса порядка, увеличились.

Эдвард Люс пишет в *Financial Times*, что в США существует «новый вашингтонский консенсус»; прошлая цель «интеграции» Китая в глобальную систему, правила которой определяли США, «сменилась дебатами о том, как деинтегрировать Китай». Новая ориентация ограничивается американским унитаризмом, является «геополитической» – в том смысле, что в ней доминирует цель «национальной безопасности» сдерживания Китая, – и она столь же «пессимистична», как предыдущий консенсус был «оптимистичным». Американский дух «можно сделать» сменился списком ограничений: США «не могут заключать торговые соглашения, не могут вести переговоры по глобальным цифровым правилам, не могут выполнять решения ВТО и не могут способствовать реформе Бреттон-Вудской системы». По мнению Арно Лепарментье из *Le Monde*, Джо Байден реализовал чаяния Дональда Трампа;

в США существует «новый социальный и националистический консенсус, который опирается на реиндустриализацию и массивные субсидии экономике».

Джейк Салливан возглавляет NSC, Совет национальной безопасности при президенте Байдене. В своей программной речи в Брукингском институте он отверг такое прочтение линии Байдена, настолько сведённое к ренационализации; «новый вашингтонский консенсус», по его мнению, не означает «Америка одна» или «Америка и Запад для исключения других». Однако его аргументы – это обвинительный акт против канонов предыдущего либеристского цикла, поскольку он может иметь последствия для промышленной базы, безопасности, окружающей среды и условий жизни «среднего класса». «Четыре вызова», которые видит Салливан, заслуживают пунктуального рассмотрения, потому что они являются новым материалом для социал-империалистической политики в условиях, которые мы в своё время назвали идеологическим кризисом глобализации.

Во-первых, отказ от государственного вмешательства, который Салливан считает неотъемлемой частью американской истории, уступил место «идеям, выступающим за снижение налогов и дерегулирование, приватизацию за счёт государственных действий и либерализацию торговли ради либерализации». Во имя мифа об эффективности рынка «целые цепочки поставок стратегических товаров» переместились за границу. Либерализация торговли привела к экспорту рабочих мест и производственного потенциала; безразличие к «типу роста» благоприятствовало финансам и привело к катастрофе целых секторов, таких как полупроводники и инфраструктура.

Во-вторых, необходимо адаптироваться к новым условиям «геополитической конкуренции и конкуренции в сфере безопасности». Либеристская политика была основана «на предпосылке, что экономическая интеграция делает страны более ответственными и открытыми, а мировой порядок – более мирным и основанным на сотрудничестве; что включение стран в порядок, основанный на правилах, даст им стимул придерживаться этих правил». Вместо этого Китай проблематично интегрировался в международный экономический порядок; Пекин продолжил «чересчур массово субсидировать» как традиционные отрасли, так и новые технологии, в результате чего Америка потеряла долю производства и «подорвала» свою конкурентоспособность.

Экономическая интеграция не помешала Китаю увеличивать свои военные амбиции и не остановила вторжение России в соседние страны: «Ни одна из этих стран не стала более ответственной или более склонной к сотрудничеству». Стало опасно игнорировать «экономические зависимости, накопившиеся за десятилетия либерализации», которые могут быть использованы в качестве экономических или геополитических рычагов: энергетическая зависимость от России в Европе или уязвимость цепочек поставок.

В-третьих, проблема «ускорения климатического кризиса», когда не будет выбора между «ростом» и «климатом». Для президента Байдена решение экологической проблемы означает «рабочие места», возможность, которая требует «продуманной инвестиционной стратегии».

Наконец, в-четвёртых, «проблема неравенства». Предполагалось, что рост, вызванный глобализацией, позволит распределить выгоды «внутри стран»; вместо этого «американский средний класс потерял позиции», «американские производственные сообщества опустели», передовые отрасли были перемещены. Хотя причины этого сложны, включая структурные изменения, вызванные цифровой революцией, ключевыми являются «десятилетия» либеристской политики, такие как регрессивное снижение налогов, сокращение государственных инвестиций, неконтролируемые корпоративные слияния и антипрофсоюзные меры, в то время как пропорции «китайского шока» в отношении производства не были хорошо оценены. В результате эти силы подорвали «социально-экономические основы», на которых покоится демократия, что является аллюзией на «электоральные восстания», которыми отмечен политический цикл на Западе, и конвульсии президентства Трампа. В формулировках, свидетельствующих о предстоящем электоральном вызове по поводу второго срока Байдена, Белый дом заходит так далеко, что провозглашает защиту «рабочего класса».

Салливан излагает стратегию из четырёх шагов. Первый – это «новая промышленная стратегия», для разработки которой он обращается к Брайану Дису, ещё несколько месяцев назад возглавлявшему НЭС, Национальный экономический совет при президенте. Дис был экономическим советником Хиллари Клинтон и Барака Обамы, участвовал в спасении Chrysler и вёл переговоры о присоединении США к Парижским климатическим соглашениям; ранее он работал в финансовой группе BlackRock, контролируя её экологическую инвестиционную политику, его считают архитектором таких планов Байдена, как План спасения, Закон о чипах и науке и IRA – Закон о борьбе с инфляцией. В стратегических секторах, где «частная промышленность сама по себе не может сделать необходимые инвестиции», «промышленная политика» целевых государственных инвестиций должна разблокировать рынки. Повестка дня Байдена предусматривает привлечение в общей сложности 3,5 триллионов долларов государственного капитала и частных инвестиций в течение десятилетия.

Второй шаг касается отношений между США и их союзниками. Салливан ссылается на совместное заявление Байдена и Урсулы фон дер Ляйен по энергетическому переходу, которое предусматривает координацию между США и ЕС с целью «смелых государственных инвестиций в промышленный потенциал друг друга», устойчивые и безопасные цепочки поставок, «которые отражают наши ценности, вклю-

чая те, что относятся к сфере труда», согласование стимулов и переговоры по поставкам критических материалов и батарей. Аналогичные инициативы были запущены с Канадой и Японией; координация стимулов в области полупроводников обсуждается с Европейским союзом, Южной Кореей, Японией, Тайванем и Индией. Салливан, заметив, открыто заявляет, что рычагом для этих переговоров стали стимулы IRA посредством протекционистской угрозы, которую они несли: «Мы используем Закон о борьбе с инфляцией для создания экосистемы производства чистой энергии, укоренённой в цепочках поставок здесь, в Северной Америке, и распространяющейся на Европу, Японию и другие страны. Так мы превратим IRA из источника трений в источник силы и надёжности».

Третий шаг касается торговых соглашений и ВТО, где Салливан призывает отказаться от политики либерализации 1990-х годов, в центре которой было снижение тарифов. Новая политика, а также реформа ВТО должны будут учитывать новые приоритеты цепочек поставок, климата, создания рабочих мест, безопасности цифровой инфраструктуры, корпоративного налогообложения и защиты труда. Протекционистские намерения проглядывают в заявлении о том, что речь идёт об «обеспечении того, чтобы наши конкуренты не получали преимущества за счёт деградации планеты»; для Салливана «игра уже не та», но инструмент привычный – обвинение конкурентов в экологическом или социальном демпинге. В рамках политики «инновационного экономического партнёрства» упоминается рамочная программа IPEF в Азии, с помощью которой был подтверждён TPP, Совет по торговле и технологиям между США и ЕС, АПЕР – Партнёрство Америк для экономического процветания, объединяющее Канаду, Мексику и некоторые страны Латинской Америки, а также трёхсторонняя координация между США, Южной Кореей и Японией.

Наконец, в качестве четвёртого шага Салливан предлагает мобилизовать «триллионы инвестиций в развивающиеся экономики» в качестве альтернативы китайской программе «Пояс и путь». Всемирный банк и региональные банки развития должны заниматься проблемами климата и окружающей среды; Партнёрство для глобальной инфраструктуры и инвестиций (PGII) будет направлять инвестиции в энергетику и инфраструктуру. В отношении реструктуризации долгов в наиболее уязвимых странах Китай призывается быть «конструктивной силой».

Что касается Пекина, Салливан использует формулу фон дер Ляйен, которую уже взяла на вооружение министр финансов Джанет Йеллен. США выступают за «дерискинг» и «диверсификацию», а не «декаплинг» – отделение от китайской экономики. Что касается ключевых технологий и полупроводников, то образ, который призван успокоить, – это защита «маленького двора с высоким забором». Целью экспортных ограничений якобы является не «тех-

ВЫЗВАНА НА СЦЕНУ С ПЕКИНОМ

нологическая блокада» Пекина, а политика «целевых ограничений» там, где есть «беспокойство о национальной безопасности»: меры будут сосредоточены на узкой области чувствительных технологий «и на небольшом количестве стран, которые намерены бросить нам военный вызов». Заключение отражает возможный переломный момент трансатлантического и японо-американского компромисса, по крайней мере, на данный момент: США конкурируют с Китаем, но не стремятся к «конфронтации или конфликту»; они будут стремиться «управлять конкуренцией ответственно» и сотрудничать в решении глобальных проблем, таких как «климат, макроэкономическая стабильность, здравоохранение и продовольственная безопасность». Эта дозировка недалеко от триптиха, рассматривающего Китай как партнёра, конкурента и системного соперника, подтверждённого в Брюсселе с дополнительным акцентом на соперничестве, но по своей сути двойственным в многообразии его возможных интерпретаций.

Сильви Кауффманн на страницах *Le Monde* использует образ «динамического треугольника» для иллюстрации отношений между Америкой, Европой и Китаем, где каждая держава определяет себя по отношению к другим «и каждое движение имеет значение». Треугольник не является ни равносторонним, ни равнобедренным, поскольку Европа хочет быть неравноудалённой от США и Китая: у ЕС есть союз с Вашингтоном, который укрепила война на Украине. Это, однако, не мешает европейцам пытаться определить собственную линию по отношению к Китаю, который, в свою очередь, движется исходя из соперничества с США.

По мнению Кауффманн, речь Салливана в Бруклинге является разъясняющей; она предстаёт как «новый вашингтонский консенсус» и «могла бы быть написана в Брюсселе, настолько сильно она отражает озабоченность европейцев». И наоборот, американцы оценили речь фон дер Ляйен в фонде Merics, где она усилила напористость по отношению к Пекину, и дали понять, что «это могли бы написать они».

Кауффманн отмечает, что сближение отчасти косметическое. Примирительный тон Вашингтона объясняется тем, что Европа находится в процессе размышлений о своей политике в отношении Китая, где одни хотели бы более жёсткой линии, а другие – в первую очередь Германия, Италия и Франция – не хотят быть втянутыми в конфронтацию между Вашингтоном и Пекином. И американское беспокойство по поводу отсутствия контактов между Байденом и Си Цзиньпином имело большое значение, при этом Салливан и Йеллен дали понять, что диалог с Китаем остаётся приоритетом для США. Это подтверждается, заметим, последующей оценкой инициативы Китая по Украине госсекретарём Энтони Блинкеном и продолжительной встречей в Вене Салливана с Ван И: уровень противостояния повышается, но в динамическом треугольнике Вашингтон пытается избежать более неблагоприятных

отношений с Пекином, чем отношения между ЕС и Китаем.

Если выступление Салливана в Бруклинге, несомненно, является показательным в плане указания на новые черты, которые приобретают глобальные отношения, где конкуренция в либерализации сменяется государственным интервенционизмом и приоритетом экономической безопасности в стратегическом соперничестве с Пекином, то тезис о том, что это свидетельствует о новом вашингтонском консенсусе, требует ряда проверок.

Первая касается самих американских течений. На Уолл-Стрит существует китайская партия, опирающийся на многие ключевые промышленные и финансовые группы. Адам Туз в *Financial Times* пишет, что «бизнес» ещё никогда не имел такого слабого влияния и что аргументация необходимости «улаживания» в связи с историческим восхождением Китая теперь рассматривается в Вашингтоне как «предательство». Хотя это может отражать преобладающий политический климат, отметим, немислимо, чтобы столь значительные группы и фракции американского империализма не находили выражения; это отражается в политике двух рук в отношении Китая, которая продолжает присутствовать в администрации Байдена и в некоторой степени, как мы видели, находит отклик и в линии Салливана. Что касается отказа от либеристского кредо, то его оспаривают такие фигуры, как Ларри Саммерс, который был министром финансов в 1990-х годах при Билле Клинтоне, и такие ключевые круги, как Институт Петерсона. Адам Позен, президент Института Петерсона, в журнале *Nikkei* оспаривал политику субсидий и френдшоринга – факторов, ослабляющих производительность – как проигрышную и протекционистскую и призвал Японию «сопротивляться» США и Китаю, защищая свободную торговлю.

Алан Битти в *Financial Times* считает, что США ослаблены внутренними разногласиями и неспособностью разделить стратегию с союзниками; Вашингтон будет воспроизводить «традиционный военный подход США» в вопросах экономической стратегии – назначить цель и начать давить на других, чтобы они встали в очередь, «вместо того чтобы договариваться о совместном подходе или использовать многосторонние форумы». *The Economist* видит в линии Салливана провозглашение «доктрины Байдена», которая слишком «труслива и пессимистична», страдает от нарратива «американского упадка» и не может разрешить противоречие между «токсичной» внутренней политикой и «стержневой» ролью «либерального порядка», который должен быть предсказуемым образом предложен союзникам и развивающимся экономикам.

Вторая проверка касается трансатлантического альянса. Несомненно, и ЕС движется в направлении интервенционистской политики в энергетическом и цифровом сражении, а также в реализации задач по обеспечению технологического суверенитета; Франция

и еврокомиссар Тьерри Бретон лидируют на этом пути, вплоть до того, что президент Эмманюэль Макрон утверждает, что он привёл Союз к повороту в сторону промышленной политики и заявляет, что направил его к «европейскому IRA». Здесь, если угодно, вопрос для ЕС заключается в том, позволит ли федеративное/конфедеративное сочетание полномочий Брюсселя и государств эффективно ответить США без фрагментации внутреннего рынка. Взаимосвязанным, но отдельным является вопрос о дозировках экономической безопасности по отношению к Пекину, а также узел защиты будущего глобализации.

Канцлер Германии Олаф Шольц подхватывает формулу фон дер Ляйен, сводя её до «разумного дерискинга», но утверждает, что необходимо обратиться к «глобальному Югу» и «скорее заключить новые соглашения о свободной торговле», начиная с соглашения между ЕС и МЕРКОСУР. Доклад института SWP «США и Китай на линии столкновения» написан Хансом Мауллом, Ангелой Штанцель и Йоханнесом Тиммом и, по-видимому, близок к установкам канцелярии. В нём утверждается, что Германия и ЕС должны искать альянсы, чтобы смягчить политику Вашингтона и Пекина и удерживать их от столкновения; неизвестность политического цикла США делает Европу «единственным крупным игроком последовательной многосторонней ориентацией»; отношения с Китаем должны быть направлены на «совместную эволюцию» с Западом – формула Генри Киссинджера – и на роль «ответственного акционера» в международном сообществе – линия Роберта Зеллика, который является одним из лидеров китайской партии в Вашингтоне. В рамках своей мультилатералистской стратегии Германия должна работать над укреплением ВТО и привлечением ЕС к участию в азиатско-тихоокеанском Всеобъемлющем и прогрессивном соглашении о Транстихоокеанском партнёрстве (СРТПП), том самом соглашении о свободной торговле, наследнике Транстихоокеанского партнёрства (ТРП), которое Вашингтон так и не смог подписать и которое Японии взялась сохранить.

В конце концов, если новые статистические черты противостояния и заметное обострение стратегической борьбы с Китаем несомненны, то доктрина Байдена, изложенная Салливаном, всё ещё находит в самом Вашингтоне открытую конфронтацию, а течения европейского мультилатерализма пытаются опираться на эту диалектику, чтобы сдерживать американскую политику в отношении Пекина.

Достигает ли результатов эта европейская, а также японская игра вторым номером?

Саммит Большой семёрки в Хиросиме подверг испытанию эту погоню за взаимным влиянием; результатом, похоже, стал трансатлантический компромисс – и транстихоокеанский с Японией, – который в любом случае происходит на более высоком уровне противостояния с Пекином. На протяжении многих лет Большая семёрка, казалось, теряла ак-

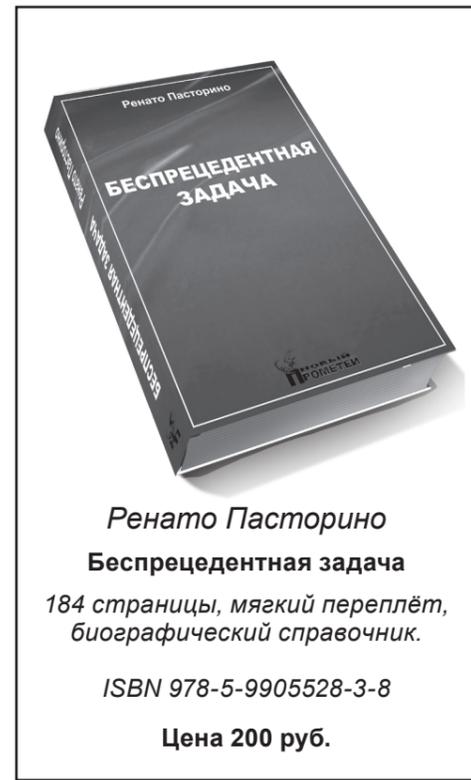
туальность в угоду Большой двадцатке; показательно, что сегодня её снова вызывают на сцену в противостоянии с Китаем, превращая в картель старых держав перед лицом нового гостя в империалистическом разделе. На первый взгляд, похоже, в итогах саммита, не очень далёких от канвы, указанной Салливаном, в той части, которая сосредоточена на формуле *дерискинга*, но не *декаплинга* – снижение риска, но не отделение от Китая – выдвинутой фон дер Ляйен и принятой в качестве центра тяжести европейской и евроатлантической позиции видна рука Токио.

Немецкая пресса указывает на модернизирующие действия, предпринятые Берлином в согласии с Парижем. Макрон утверждает, что Франция занимает позицию «равновесия», поддержанную «рука об руку» Германией и ЕС. Рено Жирар, однако, пишет в *Le Figaro*, что сорок лет сотрудничества с Китаем закончились. Если это ещё не означает войны, то «большой матч» уже начался: «безжалостная игра Запада и Китая за контроль над остальным миром».

Global Times сделала два шага, сначала осудив Большую семёрку как «антикитайскую лабораторию», а затем указав на сдержанную позицию ЕС. Пекинское правительство выдвинуло дипломатический протест в отношении Токио и в ответ на *дерискинг* и рекомендацию Большой семёрки против «экономического принуждения» ввело запрет на чипы американской Micron. В то же время Пекин потребовал от Вашингтона конкретных шагов для подтверждения возможности «оттепели», о которой говорил Байден в конце саммита.

Если теория Каутского обобщает унитарный момент империалистического противостояния, а теория Ленина – неизбежное движение к кризису и распаду порядка, то та же самая диалектика единства и раскола проявилась и на саммите в Хиросиме. Ещё один шаг к стратегическим тезисам Ленина.

Lotta comunista, май 2023 г.

Ренато Пасторино
Беспрецедентная задача

184 страницы, мягкий переплёт,
биографический справочник.

ISBN 978-5-9905528-3-8

Цена 200 руб.

Эрозия монетарного порядка

Из азиатского кризиса 1997–1998 годов “развивающиеся” страны вынесли важный урок: необходимо усилить защиту от валютных бурь. С тех пор объём международных валютных резервов увеличился в 12 раз. И главным протагонистом этой истории стал доллар – основное средство международных расчётов; исключительная расчётная единица в торговле основным сырьём и энергией; валюта, которую предпочитают кредиторы и инвесторы. Даже когда на Уолл-Стрит тлели кризисы, а безуспешные военные авантюры Вашингтона дорого обходились его противникам и союзникам, прочность этих долларо-вых пут не ставилась под сомнение.

Эта сила стала ощущаться уже в начале 1970-х годов, когда мир пострадал от одностороннего решения Америки отказаться от конвертируемости доллара в золото. Принятие плавающих обменных курсов с присущей им волатильностью ознаменовало начало тридцатилетнего процесса создания евро. Многочисленные политические, военные и финансовые сражения империализма и восхождение новых держав (включая еврозону) привели к снижению доли доллара в международных валютных резервах, которая с 1999 года по настоящее время упала с 71 до 58 %, но его доминирующая роль ни разу не была поставлена под сомнение. Доля же второй резервной валюты в мире – евро – достигла пика после краха Lehman (27 %), а сейчас составляет 20 %.

Пути дедолларизации

Конфискация резервов России на сумму 300 млрд долл. после её вторжения на Украину поставила вопрос о безопасности валютных резервов. В течение 2022 года объём мировых резервов сократился на 1 трлн долл. Эта конфискация была беспрецедентным по масштабам шагом в процессе так называемой *вепонизации* экономики, то есть превращения в оружие средств экономики: валют, технологий, энергии, пошлин, субсидий, промышленной политики, – проще говоря, бряцания оружием против в первую очередь восходящего китайского империализма, но не только его. Таким образом, снова разгораются дебаты о *дедолларизации*. Термин используется в разных значениях: сокращение использования доллара, вызов его господству, процесс монетарной многополярности.

The Economist написал в конце апреля, что причины, побуждающие страны к поиску альтернативы американской валюте: рост цен на золото, снижение доли доллара в резервах, реакция на санкции державы-гегемона, потенциальный кризис из-за противостояния демократического Белого дома и республиканского Конгресса по поводу потолка госдолга – не в силах затмить «*вездесущее притяжение*» доллара, которое, впрочем, можно «*обойти*»: сегодня Китай оплачивает в юанях 16 % российского экспорта и в целом значительную часть торговли осуществляет в юанях, а также обладает собственной цифровой валютой, которая позволяет ему осуществлять транзакции, минуя доллар. Другими словами, послание Сити следующее: замена гегемонии доллара невозможна, возникновение многополярной мо-

нетарной системы маловероятно, но дальнейшая эрозия доллара неизбежна. Тот факт, что скорость эрозии увеличивается, может сигнализировать о мутации системы в многополярную – эта перспектива, по словам Романо Проди, сегодня «далека, как никогда», – о стремлении державы-гегемона и претендента к фрагментации и *декаплингу* или о нарушении порядка.

Политические цифры держав

Валютные резервы являются мерой соотношения сил. Будучи удерживаемыми и управляемыми монетарными властями, они отражают нечто большее, чем просто экономические отношения между государствами, и являются продуктом истории стратегических отношений, союзов, побед и поражений, а также многосторонних связей, действующих на рынках унитарного империализма. В начале 1960-х годов Шарль де Голль осудил «*чрезвычайное сверхпривилегированное положение, которое мир предоставил валюте Соединённых Штатов после того, как две мировые войны оставили доллар в одиночестве среди руин других валют*». В то время в рамках системы *золотого стандарта* Вашингтон всё ещё давал формальное обязательство конвертировать доллары, которыми обладали его партнёры, в золото. После приостановки конвертируемости доллара в золото привилегированное положение Америки усилилось. США не нужны валютные резервы, чтобы действовать на рынках. Их резервы – это станки для “печати” долларов, и сегодня эти сверхпривилегии превращаются в сверхзадолженность.

Объёмы резервов могут сказать о многом, но не обо всём. ВВП США, рассчитанный МВФ по паритету покупательной способности (ППС), сегодня составляет 15,6 % ВМП, что сопоставимо с ВВП Европейского союза (14,9 % ВМП), а лидером является Китай с 18,5 % ВМП. Англо-саксонские экономисты предпочитают рассчитывать ВВП в рыночных ценах: если следовать этому методу, то ВВП США составляет 25,4 % ВМП, ЕС – 16,6 % ВМП, а Китая – 18,1 % ВМП. Разница в 10 % ВМП, которую дают расчёты доли Америки по этим двум методам, и является приблизительным показателем той сверхпривилегии, обеспечивающей доллару такую покупательную способность на мировом рынке товаров и капитала, которая на две трети превышает покупательную способность доллара внутри страны. Если считать ВВП в рыночных ценах, то “развивающиеся” страны по-прежнему отстают от “развитых” (43 против 57 % ВМП), тогда как по ВВП по ППС соотношение обратное (58 против 42 % ВМП). Интересный аспект для анализа природы американского унитаризма: в рыночных ценах упадок американского империализма за последние 30 лет почти волшебным образом исчезает, а доля ВВП США в ВВП стран Большой семёрки в период с 1990 по 2022 год даже выросла с 40 до 58 %.

Попытки интернационализации юаня

Экономическая мощь Китая проявляется в том, что он является крупнейшим в мире держателем валютных резервов (3,2 трлн долл.), генерируемых его гигантским экспортом. Объём

входящих и исходящих прямых иностранных инвестиций Китая и Гонконга составляет (за вычетом инвестиций друг в друга) 10 млрд долл. Слабость Пекина заключается в том, что всё это движение в основном происходит в долларах, тогда как на китайскую валюту юань приходится всего 2,7 % мировых резервов. Объём использования китайской валюты в глобальных транзакциях вращается вокруг этого значения. По данным SWIFT, доля юаня в международных платежах (исключая платежи внутри еврозоны) составляет 1,6 %, доллара – 46,8 %, евро – 31,9 %. В сделках на мировых финансовых рынках юань весит 4,3 %, доллар 85,2 % и евро 5,6 %, и эти данные подчёркивают роль «*мировой валюты*», которую доллар играет для всего финансового капитала, какие бы границы он ни пересекал. 70 % иностранных кредитов Китая номинированы в долларах и только 10 % в юанях. Если доллары не предложит Китай, то должники будут искать их в другом месте.

Пекин годами пытался добиться интернационализации юаня. Война России на Украине предоставляет ему такую возможность. Москва отвечает дружественному гиганту увеличением доли экспорта в Китай, оплачиваемой в юанях, и обязуется использовать китайскую валюту в своих платежах в Азии, Африке и Латинской Америке. В том же направлении Пекин строит и отношения с Бразилией. Центральный банк Китая уполномочил Торгово-промышленный банк Китая (ICBC) работать в Бразилии в качестве клирингового банка юаня. Во время апрельского визита Луиса Инасиу Лулы в Пекин было объявлено о принципиальной договорённости о ведении торговли между двумя странами без использования доллара. Аналогичное заявление сделал министр экономики Аргентины в отношении торговли между ней и Китаем. После того, как Пекин обеспечил примирение между Эр-Риядом и Тегераном, обсуждается оплата в юанях и части поставок нефти из Саудовской Аравии. Индия, в свою очередь, хочет поощрять использование собственной валюты: существует соглашение об оплате российской нефти в рупиях и соглашении между Индией и Бангладеш о регулировании торговли в их валютах. Посмотрим, к чему всё это приведёт.

Место для юаня

Каков масштаб борьбы Пекина за расширение использования своей валюты? Посол Китая Ли Чэнган недавно напомнил ВТО, что Китай является «*основным торговым партнёром более 120 стран и регионов*». Более узкий масштаб имеет сеть своп-линий (двусторонних соглашений об обмене валютой) общей ёмкостью 570 млрд долл., которую Китай построил за два десятилетия примерно с 40 странами. Бывший председатель Goldman Sachs Asset Management и экс-министр финансов Великобритании Джим О’Нил рассматривает гипотезу о создании коалиции государств вокруг БРИКС (Бразилия, Россия, Индия, Китай, ЮАР) с его расширением за счёт Саудовской Аравии и Ирана и попытке на этой основе установить цену на нефть в валютах, отличных от доллара. О’Нил не считает, что такие проекты могут вызвать доверие, «*если только ликвидация доллара не является искренне*

разделяемой и глубоко укоренившейся явной целью».

Бывший экономический советник Дональда Трампа Джозеф Салливан в своей публикации в *Foreign Policy*, напротив, поддержал возможность создания «*валюты БРИКС*» в качестве валюты для трансграничных обменов между пятью странами, аргументируя это экономическим национализмом: валюта БРИКС устроит США, чья глобальная валютная роль достигается за счёт американских рабочих мест и конкурентоспособности, и создание этой валюты было бы не свержением доллара, а лишь разграничением его территории.

Обозреватель *Foreign Policy* Цзунъюань Зои Лю из CFR сообщает, в каком направлении ведётся обсуждение роли юаня: Пекин, утверждает она, не желает вытеснить доллар, но хочет увеличить использование юаня в торговле и инвестициях. Автор считает, что наиболее подходящей структурой для этой цели является ШОС (организация сотрудничества, созданная в 2001 году Китаем, Россией, Казахстаном, Узбекистаном, Кыргызстаном и Таджикистаном). ШОС стала первой площадкой, на которой вице-премьер Ван Цишань предложил – ещё в 2012 году, то есть до запуска инициативы “Один пояс, один путь” – усилить роль местных валют в торговом регулировании. Недавно в эту организацию был принят Иран, а Турция, страны Персидского залива и Египет имеют с ней отношения разной степени партнёрства. Целью всех этих манёвров, пожалуй, является оборона: страны-производители сырья боятся стать потенциальными жертвами санкций, а для Китая ШОС является буфером геэкономической безопасности на случай жёсткой изоляции.

“Несовершенная конвертируемость”

Барри Эйхенгрин и другие авторы в эссе для CEPRI пишут, что задумка Китая заключается в интернационализации юаня без предварительного обеспечения полной конвертируемости юаня по операциям, связанным с движением капитала, что обычно считается абсолютно необходимым предварительным условием. Эйхенгрин же, напротив, считает, что эта тактика существует и что Пекин предпринимает совместные действия сразу на двух фронтах. Первый связан с деноминацией китайской торговли и платежей в юанях, но партнёры, накопившие юани, должны их где-то хранить. И это предполагает второй фронт – развитие офшорных рынков юаня и своп-линий между центральными банками.

Именно на этом фронте, как считает автор, наблюдается наибольшее отставание по сравнению тем, как США создавали рынок евродоллара. Эйхенгрин считает, что можно провести параллель между сегодняшними действиями Китая и усилиями США 1950-х и 1960-х годов, когда Америка тоже находилась в режиме «*несовершенной конвертируемости*» со своей валютой, обеспеченной золотом, но неконвертируемой на внутреннем рынке. Но в случае США «*несовершенная конвертируемость*» стала возможной благодаря мировой войне и соглашениям англо-саксонских победителей в Бреттон-Вудсе – деталь, которую экономисты часто упускают из виду.

Европейские хроники

Война на Украине пробуждает польский национализм

Польша представляет собой узел, через который на Украину направляется логистическая и военная помощь, и претендует на звание основного партнёра Соединённых Штатов в Европейском союзе. Варшава обеими руками выступает за вступление Украины в ЕС и НАТО и яростно критикует нежелание Германии поставлять украинцам оружие. Её действия – не просто отражение прошлых травм или аргумент для электоральной кампании, а попытка уйти с периферийной позиции, которую Польша занимает в Европе.

С берегов Вислы некоторые усматривают историческую перспективу построить расширенную Европу, где Польша смогла бы сформировать вокруг себя противовес франко-немецкой оси. По этой причине Варшава заинтересована в большем вовлечении США в дела Европы, поскольку Штаты – это рычаг, который она намерена использовать, чтобы получить на континенте больший по сравнению с реальным политический вес. Таким образом, она облегчает и американское проникновение, позволяя Вашингтону обуславливать Европу, в частности, в её отношениях с Россией.

Польское перевооружение

«Польша хочет стать фундаментом европейской безопасности», – объявил премьер-министр Матеуш Моравецкий в Вашингтоне 11 апреля. Варшава «увеличит в этом году оборонный бюджет аж до 4 % ВВП» и «хочет создать сильнейшую армию в Европе». В рамках этой перспективы правительство намерено увеличить число военнослужащих до 300 тыс. и заказало колоссальное количество американской и южнокорейской военной продукции. Внутри страны и среди союзников эта лихорадка вызвала вопросы, какова военная логика покупок и на какие средства правительство думает их финансировать.

По словам Марека Сверчиньского из аналитического центра Polityka Insight, Польша «продолжает демонстрировать себя как региональная сверхдержава [...], в какой-то мере по турецкой модели». Восхищение Турцией Реджепа Тайипа Эрдогана, по мнению *Le Monde* (27 марта), – это «причуда» Ярослава Качиньского, председателя партии «Право и справедливость» (Пис).

На страницах посвящённого геополитике итальянского издания *Limes* Войцех Лоренц из Польского института международных отношений (PISM) пишет, что «расчёты Польши основываются на конкретной предпосылке»: признавая Пекин «главным соперником» Вашингтона, Варшава должна «укрепить свой военный потенциал как можно быстрее», поскольку если США «окажутся напрямую вовлечены в дела Восточной Азии, то они будут неспособны предложить необходимое лидерство своим европейским союзникам». Россия может этим воспользоваться, чтобы «вновь попробовать атаковать» (*Limes*, февраль 2023 года). Здесь стоит задаться вопросом, не толкнут ли эти «расчёты» Польшу на сближение с франко-немецкой осью в общем стремлении избежать конфликта между Штатами и Китаем?

Польша на дороге «Восток – Запад»

Амбиции Польши сопровождаются также попыткой экономической реструктуризации, нацеленной на сокращение

зависимости и от России, и от Германии. Вернёмся немного назад во времени, чтобы глубже понять этот вопрос.

В коллективной монографии «Польша», опубликованной в 2007 году под редакцией Франсуа Бафуаля, французский Центр международных исследований (CERI) предлагал модель развития вдоль оси «Восток – Запад». Чтобы гарантировать свой экономический рост и не стать восточным «тупиком» ЕС, Польше следовало бы интегрироваться «в стабилизированную экономическую ось, которая соединяла бы Западную Европу с Дальним Востоком, проходя через континентальную массу Евразии, стало быть, и через Россию».

Авторы находили подтверждение этого видения в том обстоятельстве, что в 2003 году, во время войны США в Ираке, вице-премьер и министр транспорта Польши Марек Польш «по-тихому» заключил договор, по которому город Славкув становился западным узлом железной дороги с широкой колеёй, что через страны бывшего СССР вела в Восточную Азию. Интеграция Польши в эту ось коммуникации «Восток – Запад» наряду с Россией сделала бы «маловероятной» любую «польско-русскую вражду» в будущем.

Другим сигналом в этой связи стало присоединение Польши в 2012 году к проекту сотрудничества между Китаем и странами Центральной и Восточной Европы «16 + 1» (впоследствии расширился до «17 + 1», а к настоящему моменту после выхода стран Балтии сократился до «14 + 1»).

На тот момент исследователи CERI определяли как «оборонительное сражение» поддержку Польшей стратегии Соединённых Штатов по созданию параллельно с ГУАМ (организацией регионального развития, которая включает Грузию, Украину, Азербайджан и Молдавию) газового коридора, чтобы через Чёрное море связать между собой Центральную Азию и Украину в обход России. Российским «ответом» на эту инициативу стал газопровод «Северный поток», связывающий Россию и Германию через Балтийское море и в обход Польши.

Так или иначе, значимые течения в Польше и США не разделяли эту точку зрения и продолжали проектировать инфраструктуру вдоль оси «Север – Юг».

«Неоягеллонские» амбиции

В ноябре 2014 года в докладе «Completing Europe» мозговые центры Atlantic Council и Central Europe Energy Partners (СЕЕР) предложили коридор энергетической, транспортной и коммуникационной инфраструктуры от Балтийского моря к Чёрному и Адриатическому морям. В 2015 году президенты Польши и Хорватии запустили Троеморье – проект, название которого отсылает к Междуморью Юзефа Пилсудского (1867–1935).

После получения независимости в ноябре 1918 года Польша под руководством Пилсудского воевала против всех своих соседей: немцев, украинцев, литовцев, чехов и большевиков. Стратегия Междуморья, которой следовал Пилсудский, предполагала создание конфедерации под эгидой Польши по модели Польско-литовской унии династии Ягеллонов. Уния между Королевством Польским и Великим Княжеством Литовским была сформирована в 1386 году, а в конце существования династии Ягеллонов был подписан Любинский трак-

тат 1569-го, преобразовавший унию в выборную монархию Речь Посполитую. С 1772 по 1775 год три раздела привели к её исчезновению с политической карты, и вплоть до 1918 года поляки не имели своего государства. На пике своего могущества Ягеллоны властвовали над землями от Балтийского моря до Чёрного и Адриатического морей. Что касается Пилсудского, его проект быстро потерпел крах, поскольку Польша не имела ни достаточной силы, ни международной поддержки, зато к её амбициям были враждебно настроены соседние страны.

Вот 12 стран, которые на данный момент принимают участие в Троеморье, известном также как Инициатива трёх морей (ИТМ): Польша, Эстония, Латвия, Литва, Чехия, Словакия, Австрия, Венгрия, Хорватия, Словения, Румыния и Болгария. В июне 2022 года запрос о присоединении направила Украина.

Важным элементом проекта является газовый коридор «Север – Юг»: на севере «Балтийский трубопровод» (Baltic Pipe), транспортирующий в Польшу через Данию норвежский газ; на юге регазификационный терминал в Хорватии. «Балтийский трубопровод» был введён в эксплуатацию в сентябре 2022 года, на следующий день после загадочных взрывов, разрушивших три из четырёх линий «Северных потоков» 1 и 2. Хорватия оценивает также возможность подключиться к Транс-Адриатическому трубопроводу (TAP), который транспортирует в Италию азербайджанский газ.

Некоторые элементы проекта выпадают под европейские планы регионального развития и получают субсидии от Брюсселя, но геополитическая природа Троеморья становится очевидной, если учитывать поддержку Соединённых Штатов.

Недостижимое геополитическое Троеморье

Идею Троеморья продвигает ряд американских мозговых центров, а почётным гостем на саммите ИТМ в Варшаве в 2017 году был тогдашний президент США Дональд Трамп. Другим элементом, который подтверждает американскую поддержку ИТМ, является договорённость между Вашингтоном и Берлином, заключённая в 2021 году: чтобы задобрить американцев, выступавших против строительства газопровода «Северный поток – 2», немцы согласились поддержать ИТМ (*Wall Street Journal*, 13.07.2021).

Действительно, с саммита ИТМ 2019 года в Бухаресте Германия является наблюдателем в проекте, но не его полноправным членом. Пшемислав Пётр Журавский вель Граевский, советник польского министра иностранных дел, объясняет в интервью *Limes*: «Польша единственная официально выступила против полного включения Германии», поскольку это привело бы к немецкому доминированию над структурой. И добавляет: «Нашей целью является заметить русские поставки, в то время как целью Берлина является насытить рынок газа Центральной Европы российским газом, идущим через Германию, для чего и был построен «Северный поток – 2»».

«Хотя Берлин является главным торговым партнёром всех стран Троеморья», Журавский надеется, что проект может «трансформировать государства-члены во взаимно привлекательные рынки». В том

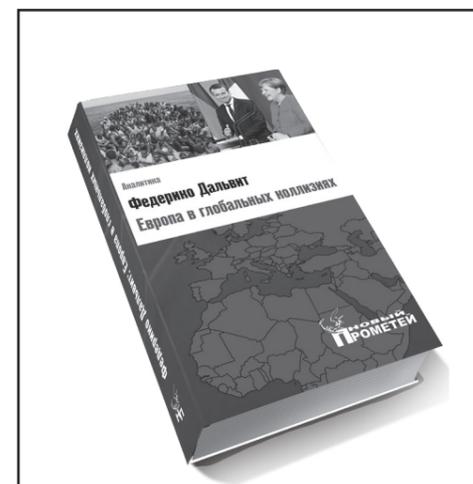
числе в надежде на реализацию этой перспективы Моравецкий в ходе своего визита в Бухарест 28 марта предложил экономический союз Польши, Румынии и Украины. Тем не менее успех проекта Троеморье совсем не очевиден, а скорее даже недостижим. Журавский признаёт, что потребуется 600 млрд евро, но на данный момент есть «меньше четырёх», из которых два предоставлены «американскими партнёрами» (*Limes*, февраль 2023 года).

Неясные перспективы

Таким образом, «неоягеллонские» амбиции Польши, возможно, столкнутся с недостатком ресурсов, недоверием соседей, которые могут сделать выбор в пользу сохранения добрых отношений с Брюсселем и Берлином, а не поощрять польское доминирование в регионе, и даже с оппозицией Западной Европы. 4 мая германское министерство иностранных дел опубликовало пресс-релиз, в котором сообщало о появлении «Группы друзей», которые надеются на расширение использования голосования квалифицированным большинством в Европейском совете взамен правила единогласия, которое предоставляет каждому государству-члену право наложить вето в любой момент.

На данный момент «Группа друзей» состоит из 9 стран-членов: Германии, Нидерландов, Бельгии, Люксембурга, Франции, Италии, Испании, Финляндии и Словении. Пока Польша призывает принять Украину без реформирования механизма голосования, эта группа стран выстраивается вдоль рейнской оси, для которой предпосылкой расширения союза является углубление европейской интеграции. Кроме того, недавние протесты польских фермеров против импорта украинской сельскохозяйственной продукции показали и самому польскому правительству, что принятие Украины в ЕС вряд ли будет простым.

Lotta comunista, май 2023 г.

Федерико Дальвит

Европа в глобальных коллизиях

592 стр., твердый переплёт, примечания, биографический справочник, библиография, хронология, указатель периодических изданий и СМИ, карты.

ISBN 978-5-9905528-9-0

Цена 400 руб.

Борьба за влияние в войне суданских генералов

«Современный Судан есть искусственное образование», – пишет американский историк и специалист по африканской и суданской историографии Роберт О. Коллинз. Судан – это третье крупнейшее государство Африки площадью 1,8 млн кв. км, продукт двух веков турецко-египетских и англо-египетских колониальных политик.

В общих чертах, продолжает Коллинз, в этнолингвистическом плане британский колониализм разделит население, которое сегодня составляет 45 млн человек, на «арабов» и «неарабов». Первые живут преимущественно на севере страны и в долине Нила, вторые – на юге и на западе. Западный регион Дарфур («Земля народа фуры») представлял собой султанат с неарабским большинством, аннексированный «англо-египетским кондоминиумом» Судан только в 1916 году, то есть за 40 лет до получения страной формальной независимости. До 2011 года Судан включал в себя также нынешний Южный Судан, регион *судд* (по-арабски «болото») с неарабским большинством, преимущественно исповедующим анимистские верования, христианизированный при содействии Лондона в конце XIX века.

Суданская мозаика

В действительности Судан, учитывая его колоссальную географическую протяжённость, является мозаикой из более чем 400 этнолингвистических групп. Одна из его основных исторических черт – конфликт между *авлад аль-бахр* («людьми реки» из долины Нила) и *авлад аль-гариб* («людьми запада»). Первые, в основном арабы, по сути, монополизировали рычаги политической, экономической и военной власти с египетско-османского периода, который в Судане называют «Туркийя». Вторые представляют собой конфедерации бедуинских племён арабского происхождения и исламские народы Африки, питающие обиду на первых по причине исключения из экономической и политической жизни и сопротивляющиеся попыткам централизации, в том числе в религиозной сфере.

То же справедливо и для народов Юга, враждебных процессам арабизации и исламизации государства, проходившим с начала 1970-х годов. Эти народы, пишет Коллинз, называли северян *мудукуру*, что дословно значит «те, кто встают на рассвете, чтобы захватывать рабов». Хотя практика «набегов» по захвату рабов имеет тысячелетнюю историю, во времена *Туркийя* она представляла собой один из основных видов экономической деятельности, разросшийся в том числе по причине торговли слоновой костью во второй половине XIX века.

Конфликт между центром и перифериями имеет и религиозное измерение. В стране, где 97 % населения – мусульмане, суфийские братства (народный ислам, в особенности деревенский) долгое время противостояли как ортодоксальному исламу египетской марки, укрепившемуся при пособничестве британцев, так и политическому исламу в основном городского характера, выраженному «Братями-мусульманами». Эти суфийские братства, борющиеся и между собой, сформировали основные суданские политические

партии, например, партию «Умма». Из вооружённого варианта суфизма возникла *Махдийя* – «теократическое государство», существовавшее с 1885 по 1898 год и сопротивлявшееся англо-египетскому контролю над Суданом. Некоторые историки усмотрели в ней зародыш антиколониального движения, хотя особый характер религиозного связующего вещества отражал враждебность к налогообложению и стремление покончить с рабовладельческими практиками «второй Туркийя» (*Туркийя аль-санийя*) – англо-египетского кондоминиума в Судане, существовавшего с 1882 года и официально оформленного в 1899 году («*A History of Modern Sudan*», Cambridge, 2008).

Перекрёсток сфер влияния

Объединив в коалицию арабо-суданские племена и кланы, *Махдийя* сформировала собственные вооружённые силы в лице *ансар* («бойцов веры») и изгнала египетские силы из страны, вступила в серию конфликтов с Эфиопской империей и европейскими колониальными странами. Государство рухнуло в 1899 году как из-за военной интервенции британцев, так и из-за внутренних противоречий.

Лондон усилил своё владычество над Суданом, чтобы гарантировать власть над землями вдоль Нила, необходимыми для контроля над Египтом и Суэцким каналом. В течение следующей половины столетия Британия проводила разнообразную политику в Судане: власть была сконцентрирована в основном на центральном севере, а в остальных частях страны осуществлялась в форме «непрямого владычества» с привлечением местной знати. На севере более централизованная власть создала бюрократию и армию по египетскому образцу, кадры для которых традиционно обучались в Каире.

Отношения между Египтом и Суданом были одновременно симбиотическими и антагонистическими. Судан, расположенный между Аравийским полуостровом, Сахелем и Африканским рогом, имеет критическую важность для Египта с точки зрения безопасности водных потоков Нила, а также как ворота в Африку и в направлении Аравийского полуострова. В 1967 году к суданской шахматной партии совместно с Эфиопией присоединился Израиль в рамках своей африканской политики. Ливия Каддафи в 1980-е годы лелеяла амбиции создать «африканскую империю», тогда же отправила войска в Чад, засматривалась и на Дарфур. Нефтяные монархии Персидского залива с 1973 года рассматривали Судан как место повторного запуска в оборот нефтяной ренты, бассейна рабочей силы и сырья, а также вектор политико-религиозной проекции в направлении Африки. Власти Хартума традиционно извлекали для себя выгоду из этой борьбы за влияние.

Война генералов и новый раздел Африки

Нынешний суданский кризис, который международная пресса прозвала «войной генералов» из-за противостояния внутри двоевластия военачаль-

ников в Хартуме, развязал борьбу за влияние между региональными державами и между великими державами: участники конфликта ищут поддержки у внешних игроков. Популярным является видение, недавно перепечатанное в саудовской прессе, что речь идёт о «новом разделе Африки», то есть о разделе континента на сферы влияния, как это было в XIX веке. Стоит заметить, что если и в самом деле происходит раздел, к которому прибавляется экономическое вторжение Китая, то в нём принимают участие и новые африканские державы.

Суданские кризисы неизбежно резонируют с напряжённостью в Эфиопии – этот демографический гигант, переживающий экономическое восхождение, имеет амбиции региональной державы. Падение исламистского режима Омара аль-Башира в Судане в 2019 году смешало карты египтянам в деле их противостояния Аддис-Абебе по вопросу использования вод Голубого Нила, что имеет значение и для Хартума. Последний имеет территориальные претензии на плодородные земли на границе эфиопских регионов Тыграй и Амхара. В 2021–2022 годах Каир усилил прямую военную поддержку вооружённых сил Судана (ВСС) и провёл с ними ряд совместных учений. Согласно мнению международных обозревателей, он помешал политическому соглашению между двумя противниками в рамках суданского двоевластия – главой регулярной армии Абделем Фаттахом аль-Бурханом и главой полувоенных формирований Сил быстрого реагирования (СБР) Мухаммедом «Хемедти» Дагло.

Хемедти – «вооружённый караванщик»

Объектом противостояния послужила интеграция СБР, насчитывающих 50–100 тыс. человек, в состав регулярной армии. Дагло хотел бы растянуть её на десятилетие и обусловить, во-первых, проведением реформы вооружённых сил, в том числе через увольнение 800 старших офицеров, а во-вторых, утверждением гражданского правительства в Судане. Согласно обозревателям, ВСС и Египет не приемлют ни одно из двух условий: Бурхан надеется скопировать модель египетского режима маршала-президента Абделя Фаттаха ас-Сиси. Каир не жалуется перспективу появления автономного игрока на своей южной границе, своего рода «суданского Хафтара» в терминах египетской дипломатии, который мог бы рассчитывать на свой феодал в Дарфуре и имел бы собственные политические амбиции.

Политические пути Дагло (Хемедти) и Бурхана параллельны и связаны с долгой этнической войной в Дарфуре, жертвами которой стали 300 тыс. погибших и 2 млн беженцев с 2003 по 2020 год. Дагло начал свой путь как глава ополченцев *Джанджавид* (дословно «демоны на лошадях»), которых режим в Хартуме использовал против автономистских восстаний жителей Дарфура. СБР является прямым потомком *Джанджавид*, которые вербовали членов в основном среди племён арабских кочевников региона. Дагло родом из конфедерации *баккуара*, кор-

ни которой уходят в Чад, его семья занималась торговлей верблюдами.

Мигранты и ополченцы в суданской ренте

Бурхан был региональным комендантом в Дарфуре, сражался на войне в Южном Судане и командовал суданскими экспедиционными войсками в Йемене с 2015 по 2018 год. Родом он из семьи религиозных суфиев Севера, а образование получил в египетских военных академиях. Как и Дагло, он поддержал падение режима Башира в 2019 году, но сохранил (с Дагло в качестве заместителя) гражданское правительство бывшего технократа Всемирного банка Абдаллы Хамдока.

Согласно реконструкциям, восхождению Дагло способствовали несколько факторов: трансформация нерегулярной милиции Дарфура в мобильную силу контроля за границами; её использование в качестве «преторианской гвардии» режима Башира, чтобы уравновешивать регулярную армию; наконец, двойная рента СБР, которые использовали как наёмников Объединённых Арабских Эмиратов (ОАЭ) и Саудовская Аравия в Йемене и в Ливии, а также как стражей миграционных потоков из Субсахарской Африки «в сторону Египта, Ливии и ЕС», как вспоминает Дагло на страницах *Financial Times*. Эту роль СБР осуществляли совместно с ВСС, согласно источникам *Il Manifesto*, которые описывают прямые переговоры между Римом и Хартумом о формировании СБР с 2016 по 2022 год. Согласно вашингтонскому Центру стратегических и международных исследований (CSIS), Дагло может также рассчитывать на контроль – совместно с ЧВК «Вагнер» – над золотыми приисками в Дарфуре, продукция которых экспортируется в ОАЭ.

Роль противовеса вооружённым силам, по мнению французской прессы, сделала бы Дагло «привлекательной фигурой» для части «гражданских элит» Хартума, питая его «политические амбиции». Поиск дипломатического разрешения конфликта между диархами Хартума происходит при активной роли Эр-Рияда, а *Financial Times* указывает и на возможное посредничество Пекина. Лондонская газета напоминает, что Китай входит в число главных кредиторов Хартума: на него приходится от 5 до 15 млрд из 60 млрд долларов внешнего долга страны. Пекин присутствует в Судане с 1980-х годов, где имеет интересы в нефтегазовой сфере, а в 2011 году его дипломатия добилась продолжения экспорта углеводородов из Судана и Южного Судана. Китайские источники настаивают на том, что ЕС и другие игроки имеют лучшие представления «об основных протагонистах суданского конфликта», хотя Пекин, безусловно, стремится поддерживать мирный процесс.

Борьба интересов, пересекающихся в Судане, может привести как к продолжению и интенсификации «войны генералов», так и к её заморозке за столом «вооружённых переговоров», а, возможно, будет найдено и политическое решение. Такое решение, однако, будет приниматься Хартумом лишь отчасти.

Издательская новинка

Сражение за будущее вида

Из предисловия к вышедшей на итальянском языке книге Пьермариа Даволи *“Demografia e migrazioni nel mutamento epocale”*.

На протяжении десятилетий, с самых первых проявлений этих феноменов, демографический кризис и бурный рост иммиграции были частью нашей теоретической и политической коммунистической борьбы. Статья “Цивилизация жизни” в конце 1970-х годов стала нашим революционным словом в вопросе абортов и снижения рождаемости, которое наметилось в демографических тенденциях Италии. Статья осуждала банкротство пассивного реформизма, который оставлял «*флаг жизни*» в руках церкви. Церковь осознавала объективную необходимость, стоящую перед буржуазией зрелых держав империализма, защищать рождаемость, чтобы избежать «*опасного демографического вакуума в будущем*». Что касается сознательного рабочего класса, поскольку он выступает против лицемерия любых законов, запрещающих аборты, только он и имеет «*видение для будущего человечества*»; он не боится жизни, потому что борется против капиталистической «*цивилизации смерти*», а в коммунистическом обществе должен будет построить именно «*цивилизацию жизни*».

Однако вскоре после этого Арриго Черветто задался вопросом о «*стратегической проблеме*»: «*недальновидности*» доминирующих буржуазных фракций, которые не приняли пронаталистское политическое предложение Ватикана.

Спустя сорок лет после этого теоретического и политического сражения мы можем сделать четыре вывода. Во-первых, демографический кризис развивался именно так, как и предсказывалось тогда: число детей на одну женщину в течение десятилетий было ниже уровня воспроизводства населения, число женщин репродуктивного возраста сократилось, и демографический «*разрыв*» теперь измерялся сотнями тысяч недостающих представителей поколений трудоспособного населения.

Во-вторых, «*близорукость*» не была исключительной чертой только итальянской буржуазии. Почти во всех зрелых империалистических метрополиях столь предсказуемая демографическая зима наступила неожиданно, вызвав непредвиденные последствия для производства и отношений власти.

В-третьих, даже те буржуазии, у которых была своя наталистическая традиция, в основном французская, конечно, задержали проявление тенденции на целое поколение, но в конце концов и они начинают вступать в демографическую зиму. Существует действительный демографический закон империалистической зрелости, где семьи с несколькими источниками доходов, массовым распространением собственности, высшего и университетского образования откладывают возраст первого зачатия. Всё чаще капитал в своём слепом стремлении к самовоспроизводству использует женщин в качестве рабочей силы, но при этом не заботится о том, чтобы защищать их в качестве репродуктивной силы вида.

В-четвёртых, другой стороной демографического спада в зрелых обществах является обращение к миграционным резервам. Глобальное развитие капитала само по себе вызвало разложение сельской местности по всему миру, вызывая ежегодный приток

десятков миллионов мигрантов в города. На какую-то долю, возможно, на одну десятую или одну двадцатую, этот огромный поток восполняет демографический дефицит старых держав, прежде всего Америки и Европы: империалистическое развитие зрелых регионов больше не может поддерживать себя без высасывания молодой рабочей силы из новых регионов, со всеми вытекающими отсюда экономическими, социальными и политическими последствиями. В то время как влияние миграции подпитывает страхи стареющих обществ, сельское хозяйство, сфера услуг и даже промышленность больше не могут поддерживать себя без незаменимого вклада труда иммигрантов. Пока раздающаяся с разных сторон демагогия их политики следует колеблющейся логике парламентаризма, преследуя и разжигая ксенофобские и страхи безопасности, в старых метрополиях империализма разгорается новое соревнование, реальная конкуренция за привлечение миграционных потоков.

Именно в этом смысле новый наталистский импульс правительства Джорджи Мелони оказался половинчатым расчётом и свидетельствует о той же застарелой «*недальновидности*» на миграционном фронте. Даже если политика рождаемости будет проводиться по французской или скандинавской модели, она даст плоды через десятилетия, в то время как сегодня и в ближайшем будущем демографическая пропасть, зияющая в массе трудоспособного населения, делает определённым – и математически обоснованным – тот факт, что вклад мигрантов в рабочую силу должен быть удвоен.

В наши обязанности не входит давать советы их политике, которая находится во власти противоречий и исторических коллизий и не способна их осознать, идёт ли речь о неоконсервативных правых или реформистах, выбитых из колеи и находящихся в плену охранительного электорализма. Что касается нашей коммунистической политики, то речь идёт о теоретическом оснащении анализа и организации в рамках интернационалистской борьбы за отстаивание классового единства против любой дискриминации по этническому, религиозному или национальному признаку. Достигнув старческого и паразитического состояния своей зрелости, капиталистическое общество уже не в состоянии выполнять даже первостепенную задачу воспроизводства вида, империалистическое развитие подрывает саму биологическую основу социального существования. Можно ли вообразить более конкретную демонстрацию исторической необходимости лучшего, коммунистического общества.

«*Население – это абстракция, если я оставляю в стороне, например, классы, из которых оно состоит. Эти классы опять-таки пустой звук, если я не знаю тех основ, на которых они покоятся, например, наёмного труда, капитала и т. д. [...] Таким образом, если бы я начал с населения, то это было бы хаотическое представление о целом, и только путём более детальных определений я аналитически подходил бы ко всё более и более простым понятиям. [...] Отсюда пришлось бы пуститься в обратный путь, пока я не пришёл бы, наконец, снова к населению, но на этот раз не как к хаотическому представлению о целом, а как к некоторой богатой совокупности многочисленных определений и отноше-*

ЦИВИЛИЗАЦИЯ ЖИЗНИ

Реформизм демонстрирует одну из сторон своего провала, оставляя флаг «*жизни*» церкви. Церковь, размахивая этим флагом, с одной стороны, придерживается лицемерного морализма, состоящего в игнорировании социальных причин тысяч различных смертей, а с другой, улавливает объективную тенденцию, возникшую в индустриальных странах: противостояние падению рождаемости.

Церковь, всегда внимательная к демографическим явлениям, профессионально связывающая воедино все демографические эффекты и вдохновляющая собственную демографическую школу, прекрасно понимает, что перед буржуазией различных промышленно развитых стран стоит проблема повышения рождаемости и предотвращения опасного демографического вакуума в будущем. Она подгоняет свою традиционную идеологию под эту объективную потребность, будучи уверенной, что таким образом снова окажется на гребне волны.

Действительно, буржуазия, которая вчера пропагандировала реформистские и светские, по сути, неомальтузианские, идеи в своих кампаниях за разводы и аборты, сегодня расчищает место для новых кампаний церкви.

Вчера неомальтузианские реформаторы, а сегодня католики называют всё это «*гражданскими правами*». Демографические процессы человеческого вида – это нечто гораздо более глубокое, чем поверхностные отражения закона и обычая. Это циклы фундаментального производства производительных сил: производства человека.

Отвергая в том или ином смысле все поверхностные решения, марксизм учит нас, что только коммунизм является «*цивилизацией жизни*», поскольку он разрешает противоречие между необходимостью и свободой.

Арриго Черветто, Роберто Казелла, *Lotta comunista*.

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Демографическая тенденция, обусловленная индустриализацией и ростом участия женщин в рабочей силе (мы анализировали это на национальном собрании в марте), устремлена к нулевому или отрицательному росту населения.

Это объективная тенденция, действующая, по крайней мере, на протяжении 10 лет, и натализм не станет для неё преградой. Итак: рост женской занятости, рост иммиграции, неизбежная межэтническая напряжённость.

Буржуазные фракции (за исключением третьестепенной, состоящей из католических финансистов) отказались от обращения к церкви как к наталистическому течению. Она в связи с этим остаётся в изоляции.

Почему?

1. Из-за близорукости?

2. Из-за сиюминутных расчётов, связанных с расстановкой сил?

Арриго Черветто, «*Relazioni*», 22 мая 1981, «*Opere*», vol. 18.

ний [...] Последний метод есть, очевидно, правильный в научном отношении»¹.

В этом и состоит подход марксизма к демографическим вопросам, изложенный Марксом в «Экономических рукописях 1857–1859 годов»: не наложение абстрактной схемы на реальность, а подход, начинающийся с классов и отношений между классами.

«*При различных общественных способах производства существуют различные законы возрастания населения и перенаселения [...]. Эти различные законы следует просто свести к различным видам отношения к условиям производства или, что касается живого индивида, к условиям его воспроизводства как члена общества, ибо он работает и присваивает только в обществе»².*

Поэтому необходимо изучать законы народонаселения не в общем, а применительно к способу производства и его условиям: вот какой урок должны из этого вынести мы сегодня, в фазе империалистической зрелости.

История миграции людских масс из одного региона Земли в другой, более или менее удалённый от места их происхождения, иногда даже очень удалённый, восходит к самому зарождению нашего вида. Уже тогда процесс был мотивирован выживанием, то есть, в конечном счёте, экономическими мотивами. Эти перемещения позволили человеческому виду занять всю поверхность Земли. Но нас здесь интересуют прежде всего современные миграционные потоки, те, что были приведены в движение капиталистическим способом производства.

Высказывания Ленина, относящиеся к 1913 году, полностью актуальны

и сегодня. «*Капитализм создал особый вид переселения народов [...] Сотни тысяч рабочих перебрасываются таким образом за сотни и тысячи вёрст. Передовой капитализм втягивает их насильно в свой круговорот, вырывает их из захолустья, делает их участниками всемирно-исторического движения, ставит их лицом к лицу с могучим, объединённым, международным классом промышленников [...]. Но только реакционеры могут закрывать глаза на прогрессивное значение этого современного переселения народов. Избавления от знёта капитала нет и быть не может вне дальнейшего развития капитализма, вне классовой борьбы на почве его. А к этой борьбе именно и привлекает капитализм трудящиеся массы всего мира, ломая затхлость и заскорузлость местной жизни, разрушая национальные перегородки и предрассудки, соединяя вместе рабочих всех стран на крупнейших фабриках и рудниках Америки, Германии и т. д.»³ Таковы соображения, которые исходят из классового зрения и которые должны быть, если угодно, приведены в соответствие с тем количественным и качественным измерением, которого современное переселение народов достигло в нынешней фазе зрелого империализма и капиталистического производства, давно уже достигшего каждого затерянного уголка земли.*

Lotta comunista, январь 2023 г.

1 – Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 46, Ч. 1. С. 36–37.

2 – Там же. С. 101.

3 – Ленин В. И. ПСС. Изд. 5-е. Т. 24. С. 89.

Анатолийский оплот Эрдогана

«Факты – упрямая вещь, говорил Ленин, и турецкие избиратели доказали это», – пишет французская *L'Opinion*, комментируя по горячим следам итоги первого тура президентских выборов в Турции. На момент написания статьи их результат опровергает как прогнозы опросов, так и ожидания медиа и различных европейских столиц относительно вероятного «конца правления» вспыльчивого турецкого «султана» Реджепа Тайипа Эрдогана.

Как это часто случалось в последнее десятилетие, прогнозы политических перемен в Анкаре грешат недооценкой того, насколько правящий 20 лет Эрдоган отвечает «глубоко укоренившимся социальным устремлениям в турецком обществе», как пишет турецкий политолог Ахмет Инсель. И снова анатолийский оплот Партии справедливости и развития (ПСР) приносит Эрдогану его третий президентский срок.

Битва за национал-исламистский электоральный бассейн

Несмотря на относительный спад – потерю около 2 млн голосов по сравнению с результатом 2018 года, – ПСР подтверждает себя в качестве первой политической силы в парламенте с 35 % голосов. А в союзе с Партией националистического движения (ПНД) и двумя исламистскими формированиями Новой партией благоденствия (НПБ) и Партией независимого дела (HÜDA-PAR – курдская консервативная исламская партия) она набирает абсолютное большинство в 323 места из 600. Коалиция из 6 партий, которая поддерживает кандидатуру секретаря Народно-республиканской партии (НРП) – партии Ататюрка – Кемаля Кылычдароглу достигла отметки в 277 мест. В абсолютном выражении правящая коалиция Народный союз получила 26,9 млн голосов против 24,5 млн у оппозиции.

На президентских выборах Эрдоган набрал 49,5 % против 44,9 % у Кылычдароглу, или в абсолютном выражении 27,1 млн голосов, что на 700 тыс. больше, чем в первом туре в 2018 году; 24,6 млн голосов Кылычдароглу представляют собой скачок более чем на 7 млн по сравнению с результатом оппозиционного кандидата в 2018 году. Но тогда НРП, «Хорошая партия» (İYİ) и прокурдская Демократическая партия народов (ДПН) плюс отдельные кандидаты набрали около 22 млн голосов. Таким образом, в этом туре прогресс составил около 2,5 млн голосов, что означает увеличение электората примерно на 4,8 млн.

Часть этих новых голосов, возможно, отошли третьему кандидату – независимому Синану Огану, набравшему 5,2 %, или 2,8 млн голосов. Оган, бывший депутат националистической ПНД и союзник Эрдогана, по мнению аналитика Байрама Бальци, «проделал брешь, образовавшуюся в бассейне протестного электората» – националистического, пантуркистского и ксенофобского толка, – выступив с требованием об высылке около 3,6 млн сирийских беженцев, находящихся в Турции, и используя таким образом тезисы об «этническом замещении» в ущерб туркам. Если он окажется в положении «кингмейкера», как пишет *Le Monde*, и

намерен «монетизировать свой электоральный капитал во втором туре», то договориться с национал-консервативной командой ему будет легче, чем с командой Кылычдароглу, учитывая явно антикурдскую позицию Огана. Бальци пишет, что Оган «начал с нуля и без поддержки» и, с одной стороны, вероятно, помешал Эрдогану победить в первом туре, но с другой – Оган вряд ли может направить более чем на «2–3 % своих избирателей», учитывая, что националистические партии «присутствуют в обоих блоках» (İYİ возникла как откол от ПНД на последних выборах).

Специалистка из Французского института международных отношений (Ifri) по Турции Доротея Шмид считает, что этот раунд продемонстрировал «хорошее функционирование» национал-исламистского альянса, обеспечившего бесперебойное перетекание голосов между ПСР и ПНД, а также в пользу İYİ и Огана, борющихся за один и тот же электоральный бассейн, составляющий большинство избирателей Турции. Шмид добавляет, что сильный национализм также характеризует и «турецкую диаспору» в Европе, которая массово голосует за ПСР. По данным *Bild*, из 1,5 млн турецких избирателей в Германии, в значительной степени мобилизованных через сеть мечетей, курируемых правительством Турции, за Эрдогана проголосовали 65 %, особенно много таких избирателей было в промышленных районах Рура.

Легитимация второго тура

Хотя Кылычдароглу и сохраняет «теоретические шансы» на победу во втором туре, по мнению аналитиков, если не произойдет «неожиданностей», это будет непростой задачей. В любом случае, поскольку контроль за парламентом наверняка останется за ПСР, это потенциально может привести к политико-институциональному тупику, особенно если на пост премьер-министра будет избран Эрдоган. Во-вторых, как отмечает престижный лондонский мозговой центр Chatham House, «ПСР и Эрдоган обладают численным и психологическим преимуществом» над оппозицией, которая помимо голосов Огана должна обеспечить более высокую явку во втором туре и снижение поддержки Эрдогана более чем на 2 процентных пункта.

Участие в первом туре было массовым – 88 %, что на 2 процентных пункта больше, чем в 2018 году. Из 64 млн избирателей 54,7 млн голосов были действительными; количество пустых и незаполненных бюллетеней, а также неподанных голосов, составляет примерно 9,4 млн, что на 100 тыс. больше, чем во время предыдущих выборов.

The Economist, выразивший поддержку Кылычдароглу, считает, что последний находится в «наихудшем положении»: для успеха ему потребуются все голоса Огана, что «кажется маловероятным». По мнению *Le Figaro*, несмотря на то, что Эрдогана «лишили плебисцита, о котором он мечтал» к столетию основания Турецкой республики, у него «были успехи поважнее: заслуживающие доверия выборы, из которых он бесспорно вышел победителем». Цифра явки, подчёркивает *Le Figaro*, обеспечивает «легитимность выборов», показывая «от-

носительное предпочтение турецкими избирателями могущества и стабильности, которые обещает Эрдоган», и эти избиратели снова решили «предать забвению» его «авторитаризм, клиентелизм и угрозы экономической политики». Эрдоган, в свою очередь, мог бы выбрать более прагматичный подход в отношении с ЕС и НАТО, которые уж точно не стали бы жаловаться на «немного более приручённое обновлённой легитимностью» президентство Анкары.

“Baba Tayıp” и “завуалированный феминизм”

Часто пишут, что оппозиция подтвердила свою власть над крупными турецкими мегаполисами Стамбулом, Анкарой и Измиром, но мало подчёркивают, что среди оплотов ПСР есть такие города, как Бурса – крупный промышленный центр к югу от Стамбула, когда-то бывший “красным”, то есть оплотом крайне левой. В районах, пострадавших от разрушительного февральского землетрясения, принёсшего 50 тыс. жертв, падение ПСР на выборах было минимальным, а популярность Эрдогана превышает 50 %.

Для избирателей и избирательниц консервативной Турции Эрдоган – это “Baba Tayıp” (отец Тайип), тот, кто раздал дома беднякам и способствовал социальному утверждению конфессионального электората и отчасти женского. *Le Monde* пишет, что отмена запрета на ношение чадры для государственных служащих во имя светскости государства открыла доступ к дипломам и степеням, а также к публичным конкурсам для дочерей и внучек анатолийских крестьян, чья иммиграция в городские центры началась в 1960-е годы. С начала 2000-х годов женская ветвь ПСР продвигала так называемый «завуалированный феминизм», используя меры поддержки женщин-иммигрантов в крупных городских центрах в консервативно-религиозном смысле, создавая сети солидарности для доступа к социальному обеспечению. Это модель, которую также использовали египетские “Братья-мусульмане”. В 2018 году доля женщин, проголосовавших за Эрдогана и ПСР, была близка к 60 %.

ПСР олицетворяет собой двадцатилетний цикл развития недвижимости и инфраструктуры в Турции – в крупных турецких мегаполисах, особенно в Стамбуле, партия сопровождала переход от гесеконду (трущоб) к социальному жилью, – а также цикл сильного экономического роста. Как пишет FAZ, несмотря на то, что руководство Эрдогана нанесло ущерб Турции своей «экономической политикой или политикой судебной власти», этого недостаточно, чтобы заставить его электорат забыть, что он олицетворяет собой «экономическую модернизацию» страны и «величайшую общественную роль ислама».

По мнению *Handelsblatt*, для описания экономического положения Турции следует использовать больше светотеней, чем это делают на Западе. Несмотря на то, что инфляция в стране самая высокая за последние годы (40 %), а дефицит бюджета в апреле увеличился, «экономика не выглядит близкой к настоящему кризису». Уровень безработицы остаётся стабильным, прибыли компаний-экспортёров

растут, а повышение минимальной заработной платы наряду с другими «электоральными подарками» Эрдогана повысили покупательную способность. Пять лет назад, чтобы купить Apple MacBook Air, нужно было потратить семь минимальных месячных зарплат, сегодня – две с половиной. От экономической политики Эрдогана выиграли средние и верхние слои среднего класса, добавляет *Handelsblatt*: любой, кто владеет недвижимостью или землёй, может увидеть, что их стоимость, рассчитанная в долларах, увеличилась в 5 раз за два года.

Лук и авианосец

Кылычдароглу разыграл карту включения этнических и религиозных меньшинств, заявив о своей принадлежности к турецкому меньшинству алевитов, принадлежащих синкретической ветви шиизма. Но он также воспользовался проблемой инфляции, выпустив предвыборное видео, в котором подчеркнул рост цен на лук – важный ингредиент ежедневного потребления. Эрдоган ответил запуском авианосца “Анадолу” и открытием атомной электростанции “Аккую”, построенной российским “Росатомом”.

По утверждениям французской прессы, у суннитского национал-исламистского электората ссылка на алевизм вызвала раздражение, как и союз с курдскими группами. Но имеет большое значение тот факт, что фигура Эрдогана неотделима от «возвращения авторитета Турции на международной арене, с её дипломатическими и военными действиями». С Эрдоганом, который представляет себя «защитником мусульман и гарантом национальных интересов».

По мнению специалиста по политической истории Турции и России в Софийском университете и члена Atlantic Council Димитара Бечева, хотя Кылычдароглу и считается более прозападным, но «победа Эрдогана не обязательно означает новые трения с ЕС». Предвыборный тур не сопровождался «традиционными обвинениями» в адрес ЕС и Запада. Бечев также добавляет, что Анкаре понадобятся «потоки европейского капитала, чтобы возобновить соглашение о беженцах и поддержать восстановление». Брюссель, в свою очередь, «рассчитывает на Эрдогана в том, что он будет держать под контролем миграционные потоки и выступать посредником на Украине». Это более чем отголосок немецких позиций. По данным *L'Opinion*, в Берлине, как и в других европейских столицах, подчёркивают необходимость «перезапуска отношений с Турцией, даже если Эрдоган останется у власти». И газета считает, что это «голос разума», которого до сих пор не слышно в Елисейском дворце. Если Макрон «хочет, чтобы Франция была державой равновесия», ему придётся принять «более сбалансированный подход к Эрдогану, пользующемуся доверием своего электората».

При ближайшем рассмотрении это не что иное, как прагматичная линия, которую в отношении вспыльчивых турецких “раисов” – сколь угодно левантийских, но по-своему не лишённых реализма – всегда занимал Берлин.

Дать “Манифест” существующей партии

В своих “Тетрадах”¹, посвящённых марксистской стратегии, Арриго Черветто замечает, что после спада движения 1840-х годов, завершившегося революцией 1848 года и реакцией 1849–1852 годов, Маркс и Энгельс «в течение многих лет пытались повторить операцию 1847 года: дать “Манифест” существующей партии».

По сути, они руководствовались той фундаментальной мыслью, которую позже лаконично сформулирует Ленин в своей работе “Что делать?»: «Без революционной теории не может быть и революционного движения».²

Стратегическая и организационная автономия

В Германии объектом этой попытки были как рабочие течения, находящиеся под влиянием мелкобуржуазной демократии, к которой склонялись Вильгельм Либкнехт и Август Бебель, так и лассальянский Всеобщий германский рабочий союз (ВГРС), воплощавший в себе некоторые специфические черты организованной рабочей партии.

Преимущества лассальянства – разрыв с либеральной буржуазией, организационная самостоятельность и попытка вовлечь рабочих в политическую борьбу – были указаны Лениным в его сочинении “Протест российских социал-демократов” (1899): «В Германии великая историческая заслуга Лассалья состояла в том, что он превратил рабочий класс из хвоста либеральной буржуазии в самостоятельную политическую партию»³. В уже упомянутой “Что делать?” Ленин, выступая против экономизма и стихийности, отдаёт Лассалю должное за то, что тот «совлёк это движение с того пути прогрессистского тред-юнионизма и кооперативизма, на который оно стихийно направлялось»⁴.

Однако классовая автономия даётся не просто так: помимо независимой организации, необходима также революционная стратегия, имеющая конкретную основу в реальном движении. Живая связь между партией и классом нужна для того, чтобы не упереться в тупик сектанства и культ личности, свойственных лассальянству. Так, Маркс писал Иоганну Баптисту фон Швейцеру (13 октября 1868 года): «бессмертной заслугой» Лассалья было то, что он «пробудил рабочее движение в Германии после пятнадцатилетней спячки», но его ограниченность состояла в том, что он не установил связь с революционным движением 1840-х годов, Союзом коммунистов и теоретико-стратегическим завоеванием “Манифеста Коммунистической партии”: «[Как] учредитель секты он отрицал всякую естественную связь с прежним рабочим движением как в Германии, так и за границей»⁵.

Краеугольные камни 1848 года и “Манифест Коммунистической партии”

В биографическом очерке, посвящённом Марксу и опубликованном в *Die Zukunft* 11 августа 1869 года, Энгельс писал: «В Германии родоначальником немецкого рабочего движения привычки считать Фердинанда Лассалья. А между тем нет ничего ошибочнее такого взгляда. [В действительности] до революции 1848 г. и во время неё среди рабочих, в особенности в Западной Германии, существовала хорошо организо-

ванная социалистическая партия [Союз коммунистов]. [Лассаль] не был ни первым инициатором немецкого рабочего движения, ни оригинальным мыслителем. Всё содержание его произведений было им заимствовано и притом заимствовано не без искажений»⁶.

Теоретические и организационные истоки немецкого рабочего движения Энгельс описывает в сочинении “К истории Союза коммунистов” (1885): «С осуждением кёльнских коммунистов в 1852 г. закончился первый период самостоятельного немецкого рабочего движения. Этот период в настоящее время почти забыт. А между тем он продолжался с 1836 до 1852 г., и это движение по мере распространения немецких рабочих за границей развёртывалось почти во всех культурных странах. Но мало того. Современное международное рабочее движение по существу представляет непосредственное продолжение тогдашнего немецкого, которое вообще было первым международным рабочим движением и из которого вышло много лиц, игравших потом руководящую роль в Международном Товариществе Рабочих. А теоретические принципы “Коммунистического манифеста”, которые Союз коммунистов в 1847 г. начертал на своём знамени, служат в настоящее время наиболее крепкой интернациональной связью для всего пролетарского движения Европы и Америки»⁷. Таким образом, Энгельс помещает последующее сражение за то, чтобы дать “Манифест” различным партиям международного рабочего класса, в правильные рамки истории партии.

После смерти Лассалья председателем ВГРС, согласно завещанию покойного, был назначен Бернхард Беккер, что ослабило партию.

ВГРС и юнкеры

В это же время управление органом ВГРС “Социал-демократ” поручается адвокату Швейцеру, будущему председателю лассальянской партии с 1867-го по 1871 год. Он предложил председательство в ВГРС Марксу, который, однако, отказался, поскольку исходя из своей роли международного связующего звена – в 1864 году было основано Международное Товарищество Рабочих (МТР) – не собирался отождествлять себя лишь с немецким отрядом и лассальянским движением.

Однако Маркс и Энгельс соглашались сотрудничать в “Социал-демократе”, хотя и с явными оговорками. 16 ноября Энгельс писал Марксу: «Но что это за дурацкое название – “Социал-демократ”? Почему этим субъектам не назвать его прямо “Пролетарий”?». И снова 18 ноября: «“Социал-демократ” – плохое название. Но незачем сразу отдавать самые лучшие названия газете, которая может не сделать много ошибок»⁸.

Тем не менее разногласия по поводу неизбежно возникающего вопроса о германском единстве, усугубляемого приближающейся военной конфронтацией между Пруссией и Австрией, делает это сотрудничество всё более проблематичным. В 1865 году Энгельс высказался о лассальянцах в статье “Военный вопрос в Пруссии и немецкая рабочая партия”. Статья должна была быть напечатана в “Социал-демократе”, но разногласия с ВГРС привели к тому, что Энгельс был вынужден напечатать её в виде

самостоятельной брошюры при помощи издателя Отто Мейснера. Энгельс осуждает лассальянскую политику соглашательства с феодальным классом юнкеров против буржуазии, выражающую, по его мнению, состояние политического инфантилизма немецкого пролетариата. Затем он показывает, какую позицию должна занять в этой политической игре с участием трёх классов революционная рабочая партия, которая объективно была представлена в Германии и требовала наличия широкого стратегического видения, чтобы быть в состоянии действовать как независимая рабочая партия и использовать конфликт между юнкерами и либеральной буржуазией.

Однако Швейцер продолжал поддерживать политику Бисмарка, утверждая, что только «пруссские штыки и голые кулаки немецких пролетариев» могут объединить Германию. Поэтому Маркс и Энгельс в феврале 1865 году прервали своё сотрудничество с “Социал-демократом” и открыто разоблачили сговор лассальянцев с Бисмарком. «Но честь рабочей партии требует, – писал Маркс Швейцеру в феврале 1865 года, – чтобы она отказалась от таких иллюзий ещё до того, как их призрачность будет обнаружена на опыте. Рабочий класс либо революционер, либо он ничто»⁹.

Либкнехт, Бебель и буржуазная партия

Родившийся в 1826 году, Вильгельм Либкнехт участвовал в революции 1848 года, с оружием в руках сражался в рядах её последних защитников-республиканцев и питал яростную ненависть к прусскому государству, армия которого в 1849 году подавляла восставших в Бадене. Среди них был и Энгельс, которого Либкнехт встретил в изгнании в Лондоне. Когда через десятилетие после революции немецкое движение возродилось под влиянием лассальянской агитации, Маркс и Энгельс призвали Либкнехта вернуться в Германию.

Первоначально он присоединился к ВГРС, но разногласия по национальному вопросу затруднили сотрудничество с лассальянцами. Действительно, Либкнехт был сторонником великогерманского пути объединения Германии (großdeutsche Lösung), враждебно настроенным к объединению страны под властью Пруссии и поддерживающим австрийское решение вопроса, продвигаемое прогрессивной буржуазией южной Германии.

Август Бебель, который был моложе его на 14 лет, происходил из мелкобуржуазной среды странствующих ремесленников-подмастерьев (Gesellen) из маленьких городков Германии между Рейном и Майном. Йозеф Рован, цитируя мемуары Бебеля (“Aus meinem Leben”), указывает, что эти ремесленники «думали вовсе не в категориях социализма или коммунизма – эти слова, скорее, пугали их, – а в категориях демократии и республики; они возлагали свои политические надежды на буржуазный либерализм».

Кризис и возобновление немецкой попытки

Когда в феврале 1865 года Маркс и Энгельс разорвали отношения с ВГРС, Либкнехт также вышел из лассальянской партии и редакции “Социал-демократ” и вместе с Бебелем вступил в Союз германских рабочих обществ (VDAV), созданный Прогрессивной партией в Саксонии и противостоящий ВГРС в центральной и южной Германии. Либкнехт и Бебель считали, что немецкие рабочие не созрели для того, чтобы создать самостоятельную рабо-

чую партию, и что объединение Германии должно быть осуществлено демократической мелкой буржуазией и пролетариатом. Поэтому они придерживались старой тактики 1848 года, подразумевающей работу внутри буржуазно-демократической партии, тогда как Маркс и Энгельс уже с 1850 года указывали на необходимость создания самостоятельной рабочей партии. Это позволило бы пролетариату воспользоваться исходом маячившей на горизонте австро-германской войны, организовать класс в национальном масштабе, не сковывая при этом себя союзом с юнкерами, как лассальянцы, или великогерманской либеральной демократией в лице VDAV и Народной партии (центрально- и южногерманский вариант Прогрессивной партии).

В письме от 26 декабря 1865 года к Энгельсу, оценивая позиции ВГРС и VDAV, Маркс говорит о «полном крахе рабочего движения в Германии»¹⁰. Придётся ждать до 1868 года, когда под напором тред-юнионистской волны, поддерживаемой МТР, даже лассальянцы начнут отказываться от сектантских догм о стачечном движении. На Гамбургском съезде 1868 года ВГРС примет новую программу, которая, по мнению Маркса и Энгельса, будет явно превосходить программу Лассалья.

Таким образом, возобновляются попытки дать немецким партиям, в частности ВГРС, стратегическую ориентацию. В письме Людвигу Кугельману от 10 июля 1869 года Энгельс критикует Либкнехта: «Недурно также, что он собирается поставить имя Интернационала в заголовке своей газетки, которая стала бы тогда одновременно органом Народной партии и Международного Товарищества Рабочих! Орган немецких рабочих и европейских рабочих»¹¹. Либкнехт требовал, чтобы Маркс и Энгельс встали на его сторону против Швейцера, но Энгельс отвечал: «[С] Народной партией, как с буржуазной партией, у нас ещё гораздо меньше общего, чем со швейцеровскими лассальянцами, которые всё же являются рабочей сектой, [кроме того] Маркс, как секретарь Международного Товарищества Рабочих для Германии, обязан с должным вниманием относиться к каждому вождю, которого достаточное количество рабочих выдвигает своим руководителем и выбирает в парламент».

Энгельс резюмирует: «Разложение лассальянской секты и, с другой стороны, освобождение саксонских и южногерманских рабочих от помехой Народной партии – таковы два основных условия для образования новой, подлинно рабочей партии Германии»¹².

Lotta comunista, июль – август 2022 г.

1 – Cervetto A. Opere. Vol. 7: Quaderni. Strategia e marxismo. Milano: Lotta comunista, 2019.

2 – Ленин В. И. ПСС. Изд. 5-е. Т. 6. С. 24 (Ленин повторяет мысль Плеханова: «[Без] революционной теории нет революционного движения в истинном смысле этого слова» (Плеханов Г. В. Социализм и политическая борьба // Сочинения. В 24-х т. Т. II. М.; Л.: Государственное издательство, 1925. С. 71)).

3 – Ленин В. И. ПСС. Изд. 5-е. Т. 4. С. 169–170.

4 – Там же. Т. 6. С. 40.

5 – Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 32. С. 474, 475.

6 – Там же. Т. 16. С. 377, 378.

7 – Там же. Т. 21. С. 214.

8 – Там же. Т. 31. С. 19, 21.

9 – Там же. С. 64.

10 – Там же. С. 136.

11 – Там же. Т. 32. С. 268.

12 – Там же. С. 517, 518.

Численность Всеобщего германского рабочего союза (ВГРС)

1863	1864	1867	1868	1869	1870	1871	1872	1875
1.000	4.610	2.508	7.274	12.053	8.062	5.356	20.000	15.322

Источник: Меринг Ф., “История немецкой социал-демократии”.

Российские хроники

Единый фронт Кремля

Мартовский визит Си Цзиньпина в Москву завершился словами о происходящих в мире переменах, «которых не было в течение ста лет». Советник президента РФ Сергей Глазьев и член рабочей группы Экономического совета при президенте РФ Дмитрий Митяев 30 марта в статье, опубликованной на сайте журнала «Россия в глобальной политике», дают свою интерпретацию слов китайского лидера. Столетие назад «мир потрясла Великая Октябрьская социалистическая революция, которая открыла дорогу многим народам в их борьбе с колониальной системой. Теперь происходит сравнимая по масштабу революция против неолиберального (западного) мирового порядка». В результате этой «революции» «старый миропорядок рухнет необратимо, как и долларовая финансовая система, [...] кардинально изменятся международное разделение труда, схемы расселения населения и размещения производительных сил».

Для достижения этого «России придётся мобилизовать все ресурсы и возродить имперский дух». Глазьев, пламенный борец с западной закулисой, долгое время занимал маргинальные позиции среди идеологов российского правящего класса, но сегодня реакционные утопические мечты этого экономиста-государственника озвучиваются лидерами Кремля.

Борьба за Глобальный Юг

«Дедолларизация началась», – заявил 20 мая на XXXI Ассамблее Совета по внешней и оборонной политике (СВОП) глава российского МИД Сергей Лавров. 27 октября 2022 года ещё более ёмко высказался президент РФ Владимир Путин: «Исторический период безраздельного доминирования Запада в мировых делах завершается, уходит в прошлое однополярный мир. Мы стоим на историческом рубеже, впереди, наверное, самое опасное, непредсказуемое и вместе с тем важное десятилетие со времён окончания Второй мировой войны. Запад не способен единолично управлять человечеством, но отчаянно пытается это делать, а большинство народов мира уже не хочет с этим мириться. В этом и есть главное противоречие новой эпохи. Говоря словами классика, ситуация в известной степени революционная: верхи не могут, а низы не хотят».

Близкий к Кремлю Международный дискуссионный клуб «Валдай» в мае этого года публикует доклад «Всемирное антиимпериалистическое движение левых: зачем оно нужно, почему его нет и как его создать». Ранее, 28 октября 2022 года, на сайте этого же мозгового центра появляется статья содиректора Института по изучению геополитической экономики (Виннипег, Канада) Алана Фримана, который утверждает: «В мире по-прежнему царит колониальный порядок. [...] четыре пятых мира превращаются в поставщиков сырья и дешёвой рабочей силы». Бывший экономист Администрации Большого Лондона на этом не останавливается

и вспоминает, что в 1943 году был распущен Коминтерн: «Именно тогда прекратился величайший освободительный проект Маркса и Энгельса по созданию международной организации рабочего класса». Поскольку «мировой капитал действует глобально», так же, по его мнению, должны поступать и «народы мира». Далее следует призыв «создать, совместно с нашими партнёрами на Глобальном Юге и на основе их борьбы, а также совместно с нашими партнёрами на Западе, такие международные организации гражданского общества, в которых народы мира будут иметь своё слово независимо от их правительств». Библия утверждает, что слово было в начале, а подыгрывающий российскому империализму специалист по креативной экономике Фриман предлагает словом ограничиться. Российский империализм всей своей недавней историей продемонстрировал, что его амбиции простираются гораздо дальше. По крайней мере, шли гораздо дальше.

Политика иными средствами

Весной была опубликована Концепция внешней политики РФ, пятая после распада СССР. Если в первом документе 1993 года Россия видела свою главную задачу в полномасштабной интеграции в «демократический мир», то теперь отчётливо звучит претензия на реванш Западу, прежде всего Вашингтону, который проигнорировал слова президента России В. Путина, сказанные на совместной пресс-конференции с Дж. Бушем – американским президентом того времени: «Россия и США не являются противниками, не угрожают друг другу, а вполне могут быть союзниками» (kremlin.ru, 16 июня 2001). Российский империализм, опираясь на место в Совбезе ООН и ядерный арсенал, несмотря на экономическую слабость, претендовал тогда на роль равного партнёра Вашингтона, но не был услышан. Призрак «цветных революций» и опасения по поводу утраты остатков исторической сферы влияния, а затем и страх перед объявленным на Западе энергетическим переходом подтолкнули российский империализм к наступательным действиям.

Мюнхенская речь Путина 10 февраля 2007 года, пятидневная война в Грузии августа 2008-го оформились 12 мая 2009 года в Стратегию национальной безопасности России. Целью политики России в новом документе называлось возвращение статуса мировой державы. Признавалось, что в качестве орудия политического влияния Россия может использовать энергетические ресурсы, а также отмечалась незавершённость оформления государственной границы, в этой связи допускалось возникновение военных конфликтов.

Все средства хороши

В январе 2013 года генерал Валерий Герасимов, всего за пару месяцев

ОТТЕНКИ СОЦИАЛ-ИМПЕРИАЛИЗМА

Алексей Сахнин, один из основателей и координаторов «Левого фронта», вернувшись в Россию после политического убежища в Швеции, 27 ноября 2020 года на страницах «Ведомостей» сообщил, что в Европе «левые отказались от коммунизма и революции и теперь являются настоящими реформистами», ориентированными на новую модель левого капитализма. 3 марта 2021 года на страницах того же издания он провозгласил: «Миру нужен новый капитализм».

Перед этим, весной 2020 года, у «Ведомостей» сменился владелец – за 160 млн рублей её приобрёл основатель медиахолдинга «Федералпресс» Иван Еремин – и из либерально-оппозиционного издания газета превратилась в рупор российского социал-империализма. В августе 2022 года новым собственником газеты стало акционерное общество «Саппорт» бывшего топ-менеджера РЕН ТВ Олега Леонова.

Средняя аудитория одного номера «Ведомостей», по данным Mediascope, в декабре 2021 – апреле 2022 года составляла 101,9 тыс. человек. Для сравнения: аналогичный показатель «Известий» – 322,6 тыс. человек, «Коммерсанта» – 241,9 тыс. Ежемесячная аудитория сайта «Ведомостей» в июле 2022 года равнялась 4,6 млн человек. «Медиадиагностика» по итогам июня 2022 года поставила «Ведомости» на третье место по цитируемости среди российских газет.

Теперь на страницах газеты появляются статьи блудных детей правого фланга европейской политики: Карин Кнайсль – экс-главы МИД Австрии, а затем члена совета директоров «Роснефти», на свадьбе которой побывал сам Путин; Ханс-Готтмас Тильшнайдер – депутата Саксонии-Анхальт от «Альтернативы для Германии». Они выступают в качестве голоса «истинной» Европы традиционных ценностей в противовес Европе упадочной и американизированной.

Наряду с ними агентами Кремля на страницах газеты выступают уже упоминавшийся Сергей Глазьев, патриарх анархо-публицистики и истинный патриот России Михаил Магид, казахский представитель троцкистской группы «Социалистическое сопротивление» Айнура Курманов, депутат Госдумы (1995–1999), со-руководитель «Левого фронта», представитель МИД самопровозглашённой ДНР в Москве, а ныне секретарь ЦК по международным связям Объединённой коммунистической партии (ОКП) Дарья Митина.

Все они поддерживают внешнюю политику Путина, считая её разновидностью антиимпериализма. Показателен пример Дарьи Митиной, разъезжающей по миру в качестве своеобразного агента российского империализма и встречающейся то с алжирскими дипломатами, то с чиновниками сирийского правительства. В апреле 2018 года в Буэнос-Айресе прошла конференция, организованная «Комитетом по реконструкции Четвёртого Интернационала», присутствовавшая на ней Митина так охарактеризовала её участников: «Они проявляют классовую солидарность, [...] поддерживают усилия Путина на интернациональной арене».

Вчерашние оппортунисты и перебежчики социализма сегодня являются откровеннейшими представителями социал-империализма, который Ленин характеризовал как «социализм на словах, империализм на деле, перерастание оппортунизма в империализм»¹.

до этого назначенный начальником Генштаба, выступил на заседании Академии военных наук с докладом о войнах будущего, заявив, что «фронтальные столкновения крупных группировок войск (сил) на стратегическом и оперативном уровне постепенно уходят в прошлое», а им на смену идут бесконтактные дальнобойные высокоточные удары вместе с действиями спецназа и в сочетании с силами «внутренней оппозиции». Именно в этом ключе и с оглядкой на опыт аннексии Крыма в марте 2014 года, по всей видимости, планировалась «специальная военная операция» российского империализма на Украине. Кремль предполагал решить поставленные задачи ограниченными средствами и в сжатое время. Исходной точкой доклада в первую очередь являлись массовые протесты, восстания и внутренние конфликты с внешним участием на Большом Среднем Востоке в 2010–2012 годах, вошедшие в историю как «арабская весна».

На Западе доклад получил название «доктрина Герасимова», она сводится к достижению поставленных

целей посредством гибридной войны, объединяющей все доступные средства. По мнению некоторых военных экспертов, эта доктрина или по крайней мере её ключевые элементы весьма сходны с положениями опубликованной в 1999 году китайской доктрины «неограниченной войны». Её суть красноречиво изложил генерал-майор ВВС Народно-освободительной армии Китая (НОАК) в отставке, военный теоретик Цяо Лянь: «Первым правилом неограниченной войны является то, что нет никаких правил и нет ничего запрещённого» («Unrestricted Warfare». Beijing: PLA Literature and Arts Publishing House, 1999).

Оружием российского империализма являются все возможные средства: экономические, политические, военные и идеологические. В идеологическом арсенале «русского мира» Ильин и Сталин, тьермондизм и Москва – Третий Рим.

Май 2023 г.

Хроники Шёлкового пути

Два флота для переговоров

Соглашение о возобновлении отношений между Ираном и Саудовской Аравией, подписанное при содействии Китая в качестве третьей стороны, представляет собой поворотный момент в процессе отказа Пекина от политики *тихой сапы* в Персидском заливе. Дипломатические указания, оставленные Дэн Сяопином более 30 лет назад, сменяются новыми лозунгами из 24 иероглифов, знаменующими третий срок Си Цзиньпина на посту председателя КНР: «*Будьте спокойны. Оставайтесь решительными. Стремитесь к прогрессу и стабильности. Будьте активны и добивайтесь результатов. Объединяйтесь под руководством Коммунистической партии. Сражайтесь смело.*»

По словам У Синьбо из Центра американских исследований при шанхайском Университете Фудань, в это решающее десятилетие мы наблюдаем трансформацию стратегического самообладания Китая: «*В прошлом мы декларировали некоторые принципы, заявляли о своей позиции, но не брали на себя оперативных обязательств. Это изменится.*» А на симпозиуме по безопасности в Тель-Авиве полковник Чжоу Бо из Центра международной безопасности и стратегии при пекинском Университете Цинхуа заявил: «*До сих пор Китай был очень осторожен, ходил по канату и сосредотачивался на бизнесе, не слишком вовлекаясь в военные действия на Среднем Востоке. Но всё может измениться.*»

Многополярная трансформация в регионе Персидского залива

Чжоу Бо не считает, что США должны уйти из региона Персидского залива и что столкновение между американскими и китайскими интересами в регионе неизбежно. Вероятно, полковник имеет полномочия выступать за границу, и не случайно это происходит в Израиле – стране, застигнутой врасплох сближением Саудовской Аравии и Ирана. Согласно протоколу, опубликованному наблюдателями из шанхайского Института весны и осени, вопрос, поставленный Чжоу, «*заключается в том, могут ли Китай и США действительно сотрудничать в вопросе безопасности региона.*»

Выступление Чжоу позволяет предположить, что китайская инициатива в регионе Персидского залива содержит в себе потенциал многополярной трансформации американской гарантии безопасности энергетической артерии, которая может быть согласована (а может и нет) или по крайней мере оговорена с Соединёнными Штатами. Можно сказать, «инклюзивная доктрина Картера», перефразируя китайские выражения, вплоть до выдвинутой Чжоу гипотезы о военно-морском кондоминиуме с широкими стратегическими последствиями: «*Китай – за открытое мышление, – отмечает военный. – Если сила Америки действительно снижается, то почему бы не начать работать вместе для защиты этих стратегических маршрутов?*»

Формально дискуссия сосредоточена на защите нефтяных потоков, но касается «*новой архитектуры безопасности*», предложенной Пекином для Среднего Востока. С одной стороны, «*как и мирное предложение для Украины*», принципиальная китайская позиция «*может развиваться в будущем, когда придёт время.*» С другой, китайская инициатива звучит

как альтернатива «*старой*» архитектуре, гарантируемой США. Как было отмечено в Тель-Авиве, помимо Израиля от этих договорённостей о бесперебойном функционировании энергопотоков до сих пор выигрывал и сам Китай, который задаётся вопросом: почему бы не «*интегрироваться, а не конфликтовать?*». При наличии «*предложения, удовлетворяющего потребности всех сторон*», говорит Чжоу, Пекин был бы готов обсуждать безопасность в этом регионе с Вашингтоном.

Взаимосвязь между ближним и дальними морями

Чжоу, в прошлом представитель сухопутных войск на ежегодных саммитах «Диалоги Шангри-Ла», руководитель Центра международного сотрудничества по вопросам безопасности Министерства обороны, координатор антипиратских операций в Аденском заливе, сотрудник (с 1993 года) управления международно-го сотрудничества Центрального военного совета невозмутимо продолжает: китайский флот «*растёт*». «*Если считать корабли Южного и Восточного флотов ВМС НОАК, то каждый из них превосходит по количеству надводных кораблей весь Королевский военно-морской флот Великобритании, которому когда-то не было равных.*» Старый британский *two power standard* теперь распространился и на два китайских флота. «*Но какой смысл иметь такой большой флот?*»

Чжоу считает, что китайско-американское военно-морское соперничество касается западной части Тихого океана и южной части Китайского моря, но в других океанах серьёзных конфликтов в области безопасности не должно быть, поэтому, с точки зрения переговоров, связь между ближним и дальними морями очевидна. «*Настоящий вопрос, – добавляет он, – заключается в том, как Индия отнесётся к китайскому военному присутствию в Индийском океане [...]. Как бы она отреагировала, если бы через него однажды проплыли китайские авианосцы, не думаю, что далеко?*» Расширенные переговоры, по сути, должны быть многополярными. В рамках концепции использования флотов как политической карты для реализации глобальной проекции любая дипломатия, пожалуй, сводится к вооружённым переговорам.

Китайский «1905 год»

По мнению Доминика Моизи, ученика Раймона Арона и специального советника Института Монтеня, «*на символическом уровне соглашение [между Китаем, Ираном и Саудовской Аравией], подписанное в Пекине, является для Китая почти эквивалентом того, чем был для США [Портсмутский мирный] договор 1905 года, положивший конец русско-японской войне*», то есть дебютом новой державы на мировой арене среди «*ведущих дипломатических игроков*». Это посредничество США в войне азиатских стран было одной из инициатив, с помощью которых Вашингтон сигнализировал, в том числе и Лондону, о своём растущем влиянии на мировые дела.

Военно-политическое восхождение американского империализма между войной с Испанией 1898 года, спровоцированной завоеванием Филиппин, и первой мировой войной, безусловно, входит в число сюжетов, которые необходимо учитывать при анализе восхож-

дения китайского империализма. Это относится как к политико-институциональному аспекту этого империалистического созревания, имеющего континентальный масштаб и стремящегося к внешней проекции, так и к аспекту, связанному с выходом на мировой рынок и вторжением в систему держав страны такого огромного веса и с переходом роли мирового гегемона от Англии к Америке, который, хотя и реализовался без войны между ними, но произошёл в огне двух мировых войн.

По мнению Генри Киссинджера, Теодор Рузвельт был первым американским президентом, который имел стратегическое осознание необходимости интервенции Соединённых Штатов в глобальном масштабе и установления связей с остальным миром с точки зрения реальных интересов, которые в конце XIX века уже перевешивали преимущества неучастия. С одной стороны, это привело к трансформации доктрины Монро 1823 года, которая изначально поддерживалась Англией против европейских конкурентов, но в конце века поставила перед собой задачу вытеснить Лондон из западного полушария, как только США обеспечили себе свободу действий на собственном континенте. Во время гражданской войны 1861 года приоритетом по-прежнему было предотвращение признания Конфедеративных Штатов Америки европейскими державами и создание в Северной Америке многонациональной системы. В 1904 году «*вывод*», который Рузвельт сделал из доктрины Монро, заключался в том, что напористость Америки в своём собственном полушарии в борьбе против всех старых держав теперь должна была стать компонентом «*новой глобальной роли*».

Профили империалистов

С другой стороны, капиталистический бум сделал США мировой державой «*почти непреднамеренно*». Киссинджер считает, что Америка превзошла Англию по объёму промышленного производства в 1885 году. С принятием в 1890 году «*Naval Act*» Соединённые Штаты начали укреплять собственный ВМФ, не доверяя британской военно-морской защите. Двух океанов уже было недостаточно, чтобы изолировать новую индустриальную державу. Рузвельту пришлось заимствовать понятия «*европейского образца*»: «*сферы влияния*» и баланс сил.

В книге «*First Great Triumph*» посол Уоррен Циммерман связывает отцовство «*империалистической*» внешней политики Соединённых Штатов с пятью личностями. Эта реконструкция также предоставляет целую сеть сил и форм восходящей державы, полезную для анализа Китая. Государственный секретарь с 1898 по 1905 год Джон Хэй, теоретик морской мощи Альфред Мэхэн, военный министр с 1899 по 1904 год, а затем государственный секретарь с 1905 по 1909 год Элиу Рут, сенатор от штата Массачусетс с 1893 по 1924 год Генри Кэбот Лодж – вот те *wise men*¹ Рузвельта и президента Мак-Кинли, при котором Рузвельт был министром военно-морского флота и вице-президентом.

В 1898 экспансионистские силы воспользовались возможностью для антииспанской революции на Кубе. Мэхэн считал эту войну «*насильственным политическим движением*» и годами со-

глашался с Рузвельтом в том, что необходим большой военно-морской флот с глобальным охватом; Кэбот Лодж использовал своё влияние в Сенате, чтобы заручиться поддержкой войны против Испании; Рузвельт вёл переговоры в высших эшелонах власти, в том числе и с Мак-Кинли, подталкивая их к завоеванию Филиппин. В итоге оно стало самым важным результатом конфликта, начавшегося на Кубе, и сделало США тихоокеанской державой. Крупные группы, перед войной разделившиеся по этому вопросу, в конце концов согласились с исходом и начали думать, смогут ли им воспользоваться. Война с Испанией – это первый образец того сочетания множества интересов, которое было достигнуто через Конгресс и СМИ в лице массовых газет Уильяма Хёрста и Джозефа Пулитцера.

Портсмут и Великий белый флот

По словам Циммермана, деловые круги рассматривали Филиппины как плацдарм для торговли с Китаем. С точки зрения стратегического подхода Рузвельта, архипелаг был слишком далёк от США и близок к Японии. До 1904 года Рузвельт поддерживал Токио в борьбе с устремлениями России в Азии, он надеялся, что в русско-японской войне угроза России ослабнет, но не будет заменена японской. В 1899 году Хэй позаимствовал для президента Мак-Кинли британскую концепцию «открытых дверей» в Китае. В 1905 году Япония угрожала целостности Китая, и Рузвельт пригласил обе воюющие стороны в Портсмут, чтобы ограничить последствия победы Токио и сохранить баланс сил в Азии.

Киссинджер считает, что та же логика соотношения сил в 1906 году привела к участию американских делегатов в конференции в Альхесирасе, посвящённой марокканскому кризису, втянувшему Францию и Германию, и отправке в Средиземное море восьми военных кораблей США.

В своей «*прагматической*» реконструкции американской внешней политики в «*America in the World*» (2021) Роберт Зеллик опирается на переписку Рузвельта, свидетельствующую, что в 1905 году он считал европейскую войну «*неизбежной*», а мировую – «*вероятной*», поэтому в Портсмуте и Альхесирасе зарождающийся американский империализм «*выигрывал время*».

В 1907 году Великий белый флот США, состоящий из 16 линкоров, совершит кругосветное плавание, которое станет крупнейшим военно-морским парадом и замечательным логистическим предприятием, учитывая необходимые для этого запасы угля. В ходе подготовки к этому плаванью флот уже устарел, так как Англия разработала новые линкоры – дредноуты, но американский военно-промышленный потенциал к тому времени превысил суммарные возможности своих европейских соперников (Wimmel K. *Theodore Roosevelt and the Great White Fleet*, 1998). Время, флоты и дипломатия объединились в первом кризисе мирового империалистического порядка, открывшем XX век.

Lotta comunista, апрель 2023 г.

Борьба с коронавирусом

Китайские вакцины в поле зрения

В феврале Лян Ваньянь, эпидемиолог и руководитель экспертной группы по борьбе с Covid-19 Национальной комиссии по здравоохранению Китая (NHC), заявил на пресс-конференции, что эпидемию в Китае можно считать в основном завершённой и что сохраняются лишь спорадические случаи заболевания. «Великая победа» над вирусом нашла отражение в снижении числа заражений и госпитализаций (*Global Times*, 23 февраля). Согласно официальным данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), в последнюю неделю декабря количество инфицированных составляло в среднем 5,8 млн в день, в конце января число снизилось до 52.000, а в первую неделю мая в среднем упало примерно до 500. Аналогичная тенденция наблюдается и в отношении смертности, связанной с коронавирусом: число жертв снизилось с почти 4.000 в день в начале января до 5–6 в первую неделю мая.

Китайский центр по контролю и профилактике заболеваний в своём бюллетене от 27 апреля сообщает, что после пика, который пришёл на конец декабря, количество положительных тестов, посещений инфекционных отделений и госпитализаций резко сократилось как в городских, так и в сельских районах.

Конец чрезвычайной ситуации

Мы уже говорили о серьёзных недостатках, характерных для статистической отчётности китайских органов здравоохранения. Однако тенденция указывает на быстрое угасание пандемии в Китае, также как и во всём мире. Отчёт ВОЗ от 4 мая сообщает о 2,8 миллиона случаев заболевания и 17.000 смертей в апреле, что на 17 % и 30 % соответственно меньше, чем в предыдущем месяце. Снижение происходит практически повсеместно, но рост всё же наблюдается в Юго-Восточной Азии, Восточном Средиземноморье и западной части Тихоокеанского региона (согласно классификации ВОЗ).

В тот же день на 15-м заседании Комитета по чрезвычайной ситуации международных медико-санитарных правил (2005) в отношении коронавируса была отмечена «тенденция к снижению» числа смертей и госпитализаций, а также высокий уровень достигнутого иммунитета. Несмотря на «неопределённость, связанную с возможной эволюцией SARS-CoV-2», и то, что «глобальная оценка риска остаётся высокой», Комитет считает, что «настало время перейти к долгосрочному управлению пандемией Covid-19». В связи с этим Генеральный директор ВОЗ Тедрос Адханом Гебрейесус объявил: «Covid-19 в настоящее время является утвердившейся и сохраняющейся проблемой здравоохранения, которая больше не представляет собой чрезвычайную ситуацию в области общественного здравоохранения, имеющую международное значение (ЧСЗМЗ)».

Глобальное чрезвычайное положение закончилось, но долгосрочное управление пандемией требует, в соответствии с рекомендацией ВОЗ, чтобы государства устранили «лакуны», которые были

выявлены пандемией, чтобы не повторять прежних ошибок, решили проблему хрупкости и несоответствия своих систем здравоохранения подобным вызовам, чтобы не оказаться вновь застигнутыми врасплох будущими бедствиями в области здравоохранения.

Промышленно-медицинское соперничество

Управление пандемией на разных её этапах в Китае систематически критикуется на Западе, и чаще всего научные споры уступают место противостоянию политических систем, соперничеству и конкуренции между державами. Звучат вопросы о непрозрачности вспышки пандемии, неизвестности происхождения нового коронавируса, критике подвергается деспотическая политика изоляции и, наконец, сам отказ от «стратегии нулевой терпимости в отношении Covid-19». «После почти трёх лет изоляции решение вновь открыть китайские границы с 8 января вновь превратило злокачественные практики управления внутри страны в потенциальную глобальную проблему», – комментирует *Financial Times* в редакционной статье от 30 декабря. Экономическая угроза, связанная со сбоями в производстве и функционировании глобальных цепочек поставок, вновь переплетается с угрозами в сфере здравоохранения.

Вызванный пандемией кризис ускорила научную гонку, которая достигла исторических результатов. Государства получили возможность оценить себя с точки зрения научной компетентности, эффективности систем здравоохранения, организационных возможностей в чрезвычайных ситуациях, мощи промышленного аппарата, не говоря даже о роли политических лидеров. В сфере фармацевтики гонка за вакцинами оставила позади даже знаменитые лаборатории и биофармацевтических гигантов с точки зрения проведения исследований и возможностей производства миллиардов доз вакцины в течение нескольких месяцев.

Китайские вакцины с самого начала были встречены на Западе с некоторым скептицизмом, в основном из-за ограниченности предоставленных данных. Теперь на них возлагают часть ответственности за «катастрофическую» вспышку эпидемии в Китае из-за их более низкой эффективности по сравнению с вакцинами BioNTech/Pfizer и Moderna, крупнейшими победителями этой гонки, разработанными в США и Германии с использованием технологии матричной РНК. Из ключевых западных СМИ поступали систематические призывы к китайскому руководству отказаться от «национальной гордости» и не проявлять упрямства в стремлении обойтись внутренними ресурсами: «Провальный вакцинный национализм Китая», – гласил заголовок *Wall Street Journal* 30 ноября.

В декабре прошлого года высокопоставленные чиновники администрации Байдена предложили Китаю поставки западных вакцин. Предложение было отвергнуто. По словам Джуд Бланшетт, китаиста из Центра стратегических

и международных исследований в Вашингтоне, «пропаганда администрации Си о Covid», о собственных успехах «искусственно ограничила доступ к иностранным вакцинам». «В разгар катастрофической эпидемии» его «национализм в отношении вакцин [...] приведёт к напрасным смертям» (*Time*, 6 января).

Борьба за рынки

В этих заявлениях отражается промышленное и коммерческое противостояние, а не этические соображения. То, что журнал *Foreign Affairs* летом 2020 года назвал «трагедией вакцинного национализма», бушевало по обе стороны Атлантики, как минимум в не меньшей степени, в которой это характерно для «вакцинной дипломатии» китайских властей.

Китай разрешил использование 13 национальных вакцин против Covid-19, к началу года было введено около 3,5 миллиардов доз (Национальное управление медицинской продукции, ВОЗ). Таким образом, более четверти доз вакцин, применённых в мире (13,3 миллиарда), имеет китайское происхождение. К вакцинации в материковом Китае, однако, следует добавить и ту, что была осуществлена за рубежом.

Чжэн Чжунвэй, глава рабочей группы по разработке вакцин, сообщил, что Китай поставил более 2,2 миллиарда доз в более чем 120 стран и международных организаций (*China Daily*, 29 декабря 2022). По данным пекинской консалтинговой компании Bridge, более 1,8 миллиарда доз было продано и около 300 миллионов передано в дар, но не все обещания были выполнены, и на конец декабря фактическое количество поставленных доз составило 1,6 миллиарда. Китайская «вакцинная дипломатия» была направлена в основном на Азиатско-Тихоокеанский регион, где 39 стран получили почти две трети поставленных доз. Одна пятая часть была направлена в 22 страны Латинской Америки, и чуть более одной десятой – в 48 стран Африки. 4 % было доставлено в Европу. Объём поставок рухнул в декабре 2021 года и почти иссяк к концу 2022 года (Bridge Consulting, 28 декабря).

Около тридцати вакцин против Covid-19 во всём мире были одобрены или лицензированы регулирующими органами для использования в чрезвычайных ситуациях. Одиннадцать получили «валидацию» ВОЗ, три из них – китайского производства. CanSinoBio использует метод вирусного вектора, две другие, разработанные Sinopharm/Beijing Institute of Biological Products и Sinovac, являются инактивированными вирусами и составляют подавляющее большинство китайских вакцин, используемых внутри страны или экспортируемых. В Китае проводятся ещё десятки клинических испытаний вакцин, созданных с использованием различных технологий, включая мРНК.

Оспариваемая эффективность

Джером Ким, генеральный директор южнокорейского Международного института вакцин, считает, что китайские

компании предпочли старую и хорошо зарекомендовавшую себя технологию инактивированных вирусных вакцин, поскольку она является для них более доступной (*Financial Times*, 10 января). Конкурентным преимуществом по сравнению с разработками на основе мРНК, особенно для стран с низким уровнем дохода, является возможность хранения в обычном холодильнике. Однако, по словам Эрика Тополя, директора Исследовательского института Скриппса, несмотря на скудность имеющихся данных, инактивированные вирусные вакцины демонстрируют меньшую и быстро снижающуюся эффективность (*Financial Times*, 21 апреля 2022 года). ВОЗ сообщает, что клинические испытания показали эффективность в предотвращении заражения вирусом с возникновением симптомов в 79 % случаев при использовании двух доз вакцины Sinopharm. Показатель составил от 51 до 85 % при использовании вакцины Sinovac в испытаниях, проводившихся в разных странах, защита возрастает до 100 %, если речь идёт о риске летального исхода.

Бен Коулинг, руководитель отдела эпидемиологии и статистики Гонконгского университета, считает, что на Западе существует «дезинформация» о китайских вакцинах, возможно, из-за того, что ранние данные свидетельствовали об эффективности скорее против самого заражения, но не тяжёлых форм заболевания (NPR, 30 декабря 2022 г.).

Первое сравнительное исследование инактивированной вакцины Sinovac и мРНК-вакцины BioNTech (производимой совместно с Fosun Pharma в Китае) в Гонконге было опубликовано в журнале *Lancet* в июле прошлого года. В работе, соавтором которой выступил Коулинг, подтверждается, что эти вакцины обеспечивали эквивалентную защиту от тяжёлых форм заболевания или смерти у людей в возрасте до 60 лет. Однако существенные различия наблюдаются в более старшем возрасте. У людей в возрасте 60 лет и старше Sinovac показал эффективность 69,9 % против 89,3 % у BioNTech. При введении трёх доз вакцины достигают одинакового показателя уровня защиты – 97,9 %.

Это подтверждает необходимость третьей дозы, отмечает Коулинг. Более того, появление различных вариантов коронавируса снизило эффективность всех вакцин и продолжительность защиты. Эксперты в области здравоохранения рекомендуют вводить третью дозу особенно пожилым людям.

Поэтому слабым местом является не столько эффективность вакцин, сколько стратегия вакцинации, выбранная китайскими властями. На момент, когда правительство «вновь открыло» Covid, согласно официальным данным NHC, 69 % людей в возрасте 60 лет и старше прошли первичный курс, получив две дозы вакцины, лицензированной в Китае, но только 40 % жителей страны в возрасте 80 лет получили также бустерную дозу.

Внуки Олбрайт в Фогги Боттом

В президентстве Байдена нашли отражение американская исключительность и реализм европейского образца. Биографии представителей его администрации демонстрируют то, что Уолтер Рассел Мид называет «четырьмя школами» внешней политики США: *вильсонская школа*, мечтающая о глобальной справедливости; *гамилтонианская школа*, которая «считает главным приоритетом здоровье корпораций»; *джексонианская школа*, которая обращается к популистским настроениям, и, наконец, *джефферсонцианцы*, внимательные к отношениям между державами и осторожные в вопросах принятия Соединёнными Штатами обязательств за рубежом.

Эти понятия не заменяют конкретных знаний о компонентах администрации, но помогают уловить некоторые её черты.

В Государственном департаменте

В Фогги Боттом в качестве главы Госдепартамента был назначен Энтони Блинкен, его заместителем – Венди Шерман, Джон Басс отвечает за вопросы управления, а Сьюзи Джордж является руководителем аппарата. Позиции заместителей занимают Виктория Нуланд, Хосе Фернандес, Бонни Дениз Дженкинс, Лиз Аллен и Узра Зей. На более низком уровне среди важных назначений следует упомянуть директора по планированию политики Салмана Ахмеда и директора по Китаю Миру Рапп-Хупер.

Дэвид Игнатиус, тесно связанный с правительственными кругами, отметил на страницах *Washington Post* (24 марта 2022 года), что «родословная почти каждого члена внешнеполитической команды администрации Байдена восходит к Мадлен Олбрайт». Венди Шерман была её «преданным сотрудником на протяжении десятилетий». Блинкен начал свою карьеру в Совете национальной безопасности (СНБ), когда Олбрайт руководила дипломатией Билла Клинтона; Виктория Нуланд и Сьюзи Джордж также связаны с ней через консалтинговую компанию, которая носит её имя. Других с ней роднит либеральный подход к внешней политике, на котором стоит остановиться подробнее.

Ценности и интересы в прочтении Мадлен Олбрайт

Олбрайт (1937–2022) достигла вершины своей дипломатической карьеры при президенте Клинтоне в качестве постоянного представителя при ООН (1993–1997) и государственного секретаря (1997–2001). Дипломатический корпус, которым она руководила, участвовал в реализации внешней политики, ориентированной на расширение НАТО на Восток, «гуманитарные интервенции» и экспорт американских ценностей.

Реконструируя этот опыт, Майкл Мандельбаум, заслуженный специалист по внешней политике США, отмечает, что команда Клинтона извлекла из опыта Боснии (1992–1995) и Косово (1999) вывод, что Америка «была необходима, чтобы прийти к решению, которое пытался найти ЕС, но потерпел неудачу» («The four age of American foreign policy», 2022).

Олбрайт считала Соединённые Штаты «незаменимой нацией» для мирового порядка. По мнению Клинтона, она находила подтверждение этому в своем личном опыте: «Она видела, как рушился её мир, и с тех пор посвятила свою жизнь защите в остальном мире свободы и терпимости, которые её семья нашла здесь, в Америке» (1996). Мадлен родилась в Праге, первые годы своей жизни провела в Лондоне из-за нацистских политических и расовых преследований, а в 1948 году бежала от сталинизма в США («Prague Winter», 2012).

В будущем доцент Университета Джорджтауна, Мадлен была студент-

Венди Шерман (1949), заместитель госсекретаря, связана с консалтинговой фирмой для инвесторов Albright Stonebridge и возглавляла НПО Oxfam America. Помощник Олбрайт, советник президента Клинтона и помощник госсекретаря Уоррена Кристофера, она была заместителем секретаря по политическим вопросам при Хиллари Клинтон (2011–2015) и работала над иранской сделкой при Джоне Керри; затем преподавала в Гарварде. Родилась в еврейской семье в Мэриленде, замужем за Брюсом Стоуксом, экспертом, связанным с CFR и Chatham House, который подвергает сомнению причуды исключительности («America against the World», 2006).

Джон Басс (1964), заместитель госсекретаря по вопросам управления, является карьерным дипломатом с 1988 года. Он работал под началом вице-президента Дика Чейни, заместителя секретаря Струоба Тэлботта и был исполнительным секретарём Хиллари Клинтон (2012–2014). Родом из Нью-Йорка, занимал должности посла в Грузии (2009–2012), Турции (2014–2017) и Афганистане до января 2020 года.

Сьюзи Джордж (1968), руководитель аппарата Госдепартамента, обучалась в Национальном демократическом институте, была помощником Олбрайт в ООН (1995–1997) и Госдепартаменте. Затем перешла в инвестиционную компанию Albright Capital Management и стала соучредителем Albright Stonebridge. При президенте Обаме руководила аппаратом СНБ (2014–2017), затем возглавляла неправительственную организацию One Campaign, которая в основном ведёт деятельность в Африке.

Узра Зей, заместитель госсекретаря по правам человека, отвечающая за Тибет, также является членом Исполнительной комиссии Конгресса США по Китаю. Родилась в семье иммигрантов из индийского штата Уттар-Прадеш, говорящих на урду. Профессор кафедры атлантических отношений в Джорджтауне и пожизненный член CFR. С середины 1990-х годов совмещает дипломатическую карьеру с руководством НПО: возглавляемый ею Альянс за миростроительство представляет собой сеть из 130 организаций в 180 странах. Занимала дипломатические позиции на Среднем Востоке, в Дели, являлась поверенной в делах в Париже (2014–2017). Доверенный сотрудник Кондолизы Райс и Хиллари Клинтон, сторонник «арабской весны», она покинула департамент, обвинив Трампа в дискриминации и присоединилась к Albright Stonebridge.

Виктория Нуланд (1961), заместитель госсекретаря по политическим вопросам: ей подчиняются восемь помощников секретаря, включая Даниэля Критенбринка по Восточной Азии, Карен Донфрид по Европе и Барбару Лиф по Среднему Востоку. Карьерный дипломат, связанный с Albright Stonebridge и Национальным фондом поддержки демократии, она была стипендиатом Брукингского института и преподавала в Йеле. Замужем за специалистом по внешней политике Робертом Каганом. В период президентства Буша-младшего была заместителем министра национальной безопасности при Дике Чейни (2003–2005) и представителем при НАТО (2005–2008); работала пресс-секретарём госсекретаря Хиллари Клинтон, а затем помощником секретаря по Европе при Джоне Керри (2013–2017). В 2014 году она позвонила послу в Киеве, чтобы убедить его, что с Украиной должна разбираться ООН, а не ЕС. Телефонный разговор, заканчивающийся фразой «к чёрту ЕС», был выложен на YouTube, возможно, российской разведкой с целью внести раскол в трансатлантические отношения (Б. Родес, «The world as it is», 2018).

Бонни Дениз Дженкинс (1960), заместитель секретаря по вопросам нераспространения ядерного оружия, этой проблематикой она занималась в ВМС США и на протяжении всего президентства Обамы. Афроамериканка из Нью-Йорка, дочь наёмных рабочих, она поступила на военно-юридическую службу в качестве резервиста. Во время президентства Трампа она преподавала в Джорджтауне, была стипендиаткой в Брукингском институте и основала НПО Women of color advancing peace and security.

Хосе Фернандес (1955) занимает пост заместителя госсекретаря по вопросам экономического роста, энергетики и окружающей среды. Он уже работал в этом отделе в 2009–2013 годах в качестве помощника секретаря. Занимает посты во Всемирном банке, Европейском банке реконструкции и развития и Межамериканском банке развития. Родился на Кубе, является известным деловым адвокатом и спонсором университетов и культурных мероприятий, в том числе латиноамериканских. Сотрудничал с нью-йоркскими юридическими фирмами, которые занимались посреднической деятельностью в Европе и Латинской Америке, входил в совет директоров компании Iberdrola.

Лиз Аллен, заместитель госсекретаря по глобальным вопросам в информационной войне против России; в прошлом специалист по коммуникациям в период президентства Обамы.

Салман Ахмед, директор Управления по планированию политики. Сотрудник ООН пакистанского происхождения, он работал в Камбодже (1992–1993), Южной Африке и на Балканах, участвовал в подготовке «доклада Брахими» о провале миротворческой миссии в Сребренице (1996–1998); затем находился в Афганистане и Ираке (2001–2004). Преподавал миротворчество и постконфликтное восстановление в Принстонском университете, а в 2009 году перешёл на работу в Государственный департамент, где возглавил аппарат постоянного представителя США при ООН. В июле 2013 года присоединился к СНБ Обамы и вместе с Джейком Салливаном руководил разработкой «Внешней политики для среднего класса» (2017–2020). Член CFR.

Мира Рапп-Хупер (1984), работающая под руководством Ахмеда специалист по Китаю, стипендиат Трёхсторонней комиссии. Дочь нью-йоркского антрополога, она окончила Колумбийский университет, где была ассистентом Кеннета Уолтца, ведущего представителя структурного реализма. В 2016 году она участвовала в кампании Хиллари Клинтон вместе с Куртом Кэмпбеллом, на которого она работала в мозговом центре Center for a New American Security. Поражение в борьбе с Трампом, а также структура альянсов в Европе и Азии принадлежат к числу тем, в явном виде затрагиваемых в книге «Щиты республики» («Shields of the Republic», 2020).

кой Збигнева Бжезинского в Колумбийском университете, а также работала под его началом в СНБ в период президентства Картера. Этот опыт стал для неё решающим: «*Больше всего я ценю Збига за то, что он научил меня глубоко думать о лидерстве США и спрашивать себя, как защитить наши интересы, оставаясь верными нашим ценностям, как выиграть битву идей против врагов свободы*» (2018).

В нашей газете мы писали, что «Бжезинский, поскольку он ставит свой реализм на службу вильсоновской концепции, в большей степени придерживается этой культуры исключительности» («Импералистические линии в войне на Украине и непреднамеренные результаты кризиса глобального порядка», ноябрь 2022 года). Стоит добавить, что Бжезинский постиг исключительность с реалистической мудростью и концептуальной глубиной, равными которым не обладают его эпигоны.

Прагматизм исключительности

В истории американской исключительности односторонний интервенционизм столь же выражен, как и изоляционизм, являющийся константой в изнурительных переговорах.

Мид, самобытный исследователь американской внешней политики, считает неправильным называть эту традицию

идеалистической, поскольку это игнорировало бы как её прямую связь с конкретными интересами, так и её глубокую укоренённость в национальном характере, поэтому он называет её «*вильсонской школой*».

Эта школа строит мечты о международной «справедливости», утверждает расовое равенство и позволяет «иммигрантам испытывать сильные патристические чувства по отношению к стране, которая чаще всего очень неохотно предоставляла им права». Для защитников меньшинств, расовых и любых других, она стала инструментом социального прогресса. Знаменосцами школы являются миссионеры американских ценностей, как религиозных, так и светских, в неправительственных организациях (НПО). Все они являются инструментами влияния Вашингтона за рубежом, как потому, что распространяют американский образ жизни, так и потому, продолжает логику Мид, что «они охотно соглашаются на присутствие западных войск, когда в опасности находятся их собственные жизни и имущество».

Действительно, исключительность иногда делает совесть американцев сверхчувствительной к несправедливости, но, как указывает Мид, она оказалась достаточно прагматичной, чтобы

«*сосредоточить возмущение на тех аспектах мировых бедствий, которые угрожают помешать некоторым интересным планам*» Вашингтона за рубежом.

Прагматизм и исключительность лежат в основе американского морального фактора, а также «*вильсонской школы*». Отличительной чертой последней является не идеализм, а её возвышенная и амбициозная природа, из-за которой ей неудобно различать интересы и ценности, расставлять приоритеты. Дэвид Игнатиус пишет об Олбрайт: «*Её позиции были укоренены как в ценностях, так и в интересах США; но когда дело доходило до внешней политики, она не признавала различия*».

Сегодня внешняя политика президента Байдена одновременно противостоит России на Украине и Китаю на просторстве Тихого океана. Для тех, кто разделяет дух Вильсона, всё ещё трудно дать ответ на вопрос: что более актуально – субсидировать Киев для борьбы с авторитаризмом Путина или усилить давление на Китай для спасения уйгуров и тибетцев. Но прагматизм, в конце концов, может направить их в определённое русло, как он уже это делал, заставив, к огорчению реалистов, добиваться на этих направлениях конкретных результатов.

Атом и индустриализация науки

Британские исследования и американский капитал

В письме американскому президенту Франклину Делано Рузвельту (1882–1945) от 2 августа 1939 года, написанном в соавторстве физиками Лео Силардом (1898–1964), Эдвардом Теллером (1908–2003), Юджином Вигнером (1902–1995) и подписанном Альбертом Эйнштейном (1879–1955), было высказано предупреждение, что Германия способна разработать атомную бомбу, и предлагалось Соединённым Штатам открыть собственную ядерную программу. Хотя начало Манхэттенского проекта обычно связывают с этим письмом, в реальности дело обстояло сложнее: значительную роль сыграли результаты работы Комитета MAUD.

Миссия Тизарда

В ответ на «Меморандум Фриша – Пайерлса» от марта 1940 года британское правительство в апреле 1940 года создало Комитет MAUD для изучения возможности создания ядерной бомбы.

Его возглавил лауреат Нобелевской премии Джордж Томсон (1892–1975) из Имперского колледжа Лондона. Однако первоначально в состав комитета не были включены авторы доклада Отто Роберт Фриш (1904–1979) и Рудольф Пайерлс (1907–1995), поскольку они были выходцами из стран, находившихся в состоянии войны с Великобританией, и лишь незадолго до этого стали британскими гражданами. С ними будут консультироваться в ходе работы Комитета, но его членами они станут позже.

Комитет MAUD считал необходимым тесное сотрудничество между Великобританией и США, несмотря на то что с начала войны научные обмены между двумя странами были немногочисленны из-за американской политики нейтралитета. В конце лета 1940 года премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль (1874–1965), принявший бразды правления в мае, решил отправить научную делегацию во главе с Генри Тизардом (1885–1959) в США с целью создания научно-технического альянса.

Тизард, химик из Оксфордского университета и ректор Имперского колледжа Лондона, был председателем Комитета по научным исследованиям противовоздушной обороны (Committee for the Scientific Survey of Air Defence). Уже в конце 1939 года он считал, что Британии необходима американская помощь в развитии радиолокационной техники и других военных технологий. Его план состоял в том, чтобы поделиться технологическими секретами Великобритании в надежде, что Соединённые Штаты, всё ещё сохраняющие нейтралитет, предоставят свою огромную промышленную машину для разработки и производства (Buderer R. *The Invention That Changed the World*, 1997). Великобритания хотела предоставить свои научные разработки в обмен на помощь со стороны американской промышленности.

Первоначально британские власти намеревались обменивать секреты на секреты, но война лишила их возможности торговаться. 9 сентября 1940 года миссия прибыла в посольство Великобритании в Вашингтоне,

чего с нетерпением ждали американцы. На следующий день Тизард встретился с министром ВМС Франклином Ноксом (1874–1944), чтобы установить правила обмена. На встрече с президентом Рузвельтом Тизард узнал, что соображения внутренней политики не позволяют Соединённым Штатам поделиться подробностями о Norden Bombsight – электромеханической компьютерной системе наведения, использовавшейся американскими бомбардировщиками во время второй мировой войны. Это был чёткий сигнал о том, что США, империалистическая держава, находящаяся на подъёме, не желают уступить свою науку и технологии империалистической державе, даже союзной, приходящей в упадок.

Национальный исследовательский комитет по вопросам обороны США

Однако более значимой была встреча Тизарда с Ванневаром Бушем (1890–1974), состоявшаяся двумя днями позже. Последний был инженером-электриком Массачусетского технологического института и пионером в области создания первых компьютеров, а с началом войны стал ответственным за применение результатов гражданских научных и инженерных исследований в военных технологиях.

Буш был председателем Национального исследовательского комитета по вопросам обороны (National Defense Research Committee, NDCR), созданного по приказу президента двумя месяцами ранее с целью мобилизации гражданских учёных для участия в войне. Буш получил согласие на создание NDCR после встречи с президентом Рузвельтом 12 июня 1940 года.

В ответ на обвинения в том, что NDCR представлял собой власть небольшой группы учёных и инженеров, которые работали вне каналов истеблишмента, Буш впоследствии подтвердил: «Именно так оно и было».

В период второй мировой войны превосходство Америки над Великобританией, Германией и Францией, как мы можем увидеть из детального анализа Манхэттенского проекта, заключалось не в качественном уровне науки, а в способности США индустриализовать её, то есть превратить теоретические и экспериментальные результаты в промышленную мощь. Козырями США, помимо демографических и экономических масштабов, были тейлоризм, фордизм и научный менеджмент. После своего создания NDCR немедленно приступил к изучению научно-исследовательской деятельности армии и флота, связался с 775 университетами, промышленными лабораториями и некоммерческими организациями и составил список лиц и предприятий в каждой научно-технической области, чтобы поставить их на службу военной мобилизации. Британский научный вклад в Манхэттенский проект был очень важен, но ни Германия, ни Британия не могли конкурировать с американцами в их способности индустриализовать ядерную физику.

С помощью миссии Тизарда люди Буша погрузились в шахту британских технологий и нашли в ней важ-

ные сокровища, такие как радиолокатор и ядерные технологии. Тизард участвовал в заседаниях Уранового комитета, созданного Рузвельтом после предупреждения Эйнштейна, и убедился в заметном отставании американцев от европейских учёных в области ядерной науки. Именно со встречи Буша с Тизардом можно датировать настоящее рождение Манхэттенского проекта, поскольку письмо Эйнштейна и Силарда не имело должного эффекта.

Британская миссия вернулась в Британию и сообщила Комитету MAUD о задержке американцев в ядерных исследованиях. Тем не менее британцы были впечатлены способностью США оплачивать дорогостоящие эксперименты (Preston D. *Before the Fallout: From Marie Curie to Hiroshima*, 2005).

Обогащение урана

Британцы стояли в авангарде по решению самой сложной проблемы обогащения урана. Как отделить 0,7 % делящегося U^{235} от 99,3 % неделящегося U^{238} ? Это также было главной заботой немецких физиков. Чтобы понять, о чём далее пойдёт речь, необходимы базовые знания в области физики и химии (см. приложение к Бюллетеню «Интернационалист» № 31 от июня 2004 года и приложение к газете «Пролетарский интернационалист» № 77 от января 2021-го).

Изотопы – это атомы химического элемента, которые имеют одинаковые химические, но разные физические характеристики. U^{235} имеет 92 протона, 143 нейтрона и атомный вес 235; U^{238} имеет 92 протона, как и U^{235} , то есть химически идентичен ему, но имеет 146 нейтронов и атомный вес 238, то есть более 235. Поскольку химические свойства этих двух изотопов одинаковы, их нельзя разделить химически: необходимо было найти физические способы их разделения. В этом и заключалась суть промышленной проблемы: как это сделать? Как индустриализовать атомную науку, чтобы теория атомной бомбы стала реальностью?

Чтобы решить проблему разделения изотопов, Пайерлс обратился к Францу Симону (1893–1956), высококлассному химику, родившемуся в еврейской семье в Берлине. В 1933 году его привёз в Оксфорд Фредерик Александр Линдемманн (1886–1957), научный советник Черчилля, в июне 1941 года получивший титул лорда Червелла (Baggott J. *Atomic: The First War of Physics*, 2009).

Пайерлс и Симон пытались превратить уран, который является металлом, в газ, соединив его с фтором для получения гексафторида урана (UF_6), а затем принудительно пропустив этот газ через маленькие отверстия пористого барьера, т. е. мембраны, изготовленной из никеля. Оба учёных надеялись, что более лёгкий U^{235} пройдёт быстрее, чем более тяжёлый U^{238} . При последовательном прохождении через большое количество мембран можно было получить газ с высокой концентрацией гексафторида U^{235} , химически делящегося на фторид и U^{235} в состоянии металла. Умелое сочетание физических и химических процессов

позволило получить расщепляющийся U^{235} , необходимый для создания атомной бомбы. К апрелю 1941 года команда Симона в Оксфорде провела эксперименты с одноступенчатой газодиффузионной установкой.

Симон посчитал результаты настолько обнадеживающими, что предложил построить завод с двадцатиступенчатой установкой, чтобы производить U^{235} в огромных масштабах и создать атомную бомбу. Завод, построенный за 18 месяцев, был размером с два футбольных поля, а его расчётная мощность составляла один килограмм 99 %-го U^{235} в день. Всё это потребовало участия промышленности, для привлечения которой была организована компания Tube Alloys. Предприятие возглавил Уоллес Алан Эйкерс (1888–1954), физик и химик из Imperial Chemical Industries (ICI), история которой запечатлена Уильямом Дж. Ридером в книге 1970 года «Imperial Chemical Industries».

В конце мая контракт на строительство этого завода, которое должно было быть завершено до конца года, был отдан Metropolitan-Vickers, британской компании тяжёлого электротехнического машиностроения, расположенной в Манчестере и основанной в 1899 году как British Westinghouse. В те годы Metropolitan-Vickers была одной из крупнейших и наиболее значимых компаний по строительству сооружений тяжёлого машиностроения в Великобритании и мире. ICI получила заказ на поставку гексафторида урана и химического инжиниринга для обеспечения строительства и функционирования завода. По мнению Комитета MAUD, британцы могли бы получить атомную бомбу к концу 1943 года, но это был чересчур оптимистичный прогноз.

Lotta comunista, май 2022 г.

Guido La Barbera

Новая стратегическая фаза

316 страниц, мягкий переплёт,
4 карты, хронология, библиография,
биографический справочник

ISBN 978-5-9905528-2-1

Цена 350 руб.

Мировое сражение в автопроме

Софт в автомобиле

Технологическим и инженерным сердцем автомобиля XX-го века был двигатель. Сегодня эту роль всё чаще играют софт, большие вычислительные мощности и современные датчики.

Растущая роль софта

По мере того, как автомобильная промышленность переходит от устройств с аппаратным управлением (hardware) к устройствам с программным управлением (software), быстро растёт и доля стоимости софта в общей стоимости автомобиля. Сегодня для авто сегмента D и выше она составляет 10 % от стоимости при выходе с завода (около 1.220 долл. США), а к 2030 году, как ожидается, составит 30 %, или около 5.200 долл. США (McKinsey, февраль 2018 г.).

Компании-разработчики софта становятся для автопроизводителей поставщиками первого уровня. По мнению McKinsey, теперь различия между транспортными средствами не ограничатся традиционными характеристиками (скоростью и мощностью), а будут всё чаще касаться установленных софта и электроники.

Новые датчики, их применение и переход к индустрии 4.0 становятся основой бумажного сбора данных о взаимосвязях между проектированием, поставкой, сборкой и маркетингом автомобильной продукции. По мере роста объёма данных их анализ станет важнейшим элементом производственных и технологических стратегий автопроизводителей. Анализ данных будет становиться всё более сложным и дорогим, и для производителей одним из способов сократить расходы будет получение доступа к последним инновациям в области информационных технологий – облачным вычислениям (cloud computing).

Профессор социологии Уильямс-колледжа (шт. Массачусетс) и бывший исполнительный директор *Harvard Business Review* Николас Карр в своей книге 2008 года *“The Big Switch: Rewiring the World, from Edison to Google”* утверждает, что в сфере информационных технологий происходит эпохальная трансформация. *Financial Times* считает, что работа Карра – лучшая книга, показывающая важность перехода ИКТ к этапу облачных вычислений.

Аналогия с прорывом Сэмюэла Инсулла

В наших исследованиях по электрификации мы обсуждали важность личности Сэмюэла Инсулла в создании электрических сетей. Карр проводит аналогию между работой Инсулла и нынешним появлением облачных вычислений. О борьбе между крупными мировыми технологическими группами в сфере облачных вычислений мы много писали в наших статьях из рубрики “Сражение в телекоме”.

Что примечательно в тезисах Карра, так это аналогия между новой фазой ИКТ и преобразованием электросетей в первые два десятилетия 1900-х годов. В этой статье нам интересно осветить влияние этой трансформации в автопроме на формирование новых альянсов между автопроизводителями и ИКТ-компаниями. Решительное вступление последних в мировое сражение в автопроме является новинкой и частью перехода к электрификации автомобиля. «*Наши конкуренты уже не Mercedes-Benz, Toyota Motor Corporation или Stellantis, но Tesla, Foxconn, Apple, LG Electronics, Uber и др.*», – говорит Гер-

берт Дисс, бывший генеральный директор группы Volkswagen.

Электричество – это однородный стандартизированный продукт, который имеет бесчисленное множество применений – от телевизора до стиральных машин, электромобилей и сборочных конвейеров – и стал настолько обычным явлением, что те, кто его используют, упускают из виду сложность лежащей в его основе технологии. После того, как энергосистема построена, электричество можно использовать для питания всего – от промышленных роботов до тостеров. Физическая природа этого продукта, характеризующаяся только напряжением и частотой (например, в России 220 вольт и 50 герц), даёт возможность значительной экономии за счёт масштаба. Но так было не всегда.

На ранних этапах развития электрификации было мало технических стандартов и отсутствовала распределительная сеть. Компания, которая хотела использовать электричество, должна была купить различные компоненты, установить их, соединить в функционирующую систему и нанять штат специалистов, чтобы всё это заработало. На тех ранних этапах заводы, если они хотели использовать силу электричества, должны были строить свои собственные генераторы.

Такая фрагментация обходилась дорого, требовала от компаний крупных капиталовложений и больших постоянных издержек и приводила к избыточным расходам и большому объёму избыточных мощностей, возникающих как в сфере применения самой технологии, так и на уровне рабочей силы, необходимой для её эксплуатации. Приручение переменного тока и, как следствие, появление возможности передачи электроэнергии на большие расстояния заложили технологические основы для построения электросети. Эту задачу решил Инсулл, который значит для электрификации не меньше, чем Томас Эдисон или Никола Тесла. Вместо поставщиков, разбросанных по территории, возникли крупные центральные поставщики. Появление крупных электростанций привело к концентрации капитала, которая, в свою очередь, создала условия для его централизации в электроэнергетических холдингах.

От World Wide Web к World Wide Computer

Вычислительный процесс, использующий для обработки, управления и передачи информации компьютеры и включающий в себя разработку аппаратного и программного обеспечения, является фундаментальным компонентом деятельности как промышленных, так и торговых предприятий, и, следовательно, крупных автомобильных компаний.

Благодаря появлению облачных вычислений, обеспечиваемых широкополосной связью, волоконной оптикой и эволюцией софта, работу вычислительных центров стало возможным передать таким компаниям, как Google, Microsoft и Amazon, которые могут выполнять её с меньшими затратами. Как и энергетические компании до них, фирмы, предоставляющие услуги по выполнению облачных вычислений, достигают значительно большей экономии за счёт эффекта масштаба, чем это возможно для отдельных компаний с их собственной системой, которые теперь просто подключаются к новой сети вместо того, чтобы тратить большие деньги на

покупку компьютеров и софта и наём специалистов для управления ими.

По мнению Карра, электричество и инфраструктурные технологии имеют общие особенности, которые делают их уникальными: их можно использовать на больших расстояниях через сеть, и, поскольку их не нужно производить на месте, они могут обеспечить экономию за счёт эффекта масштаба центральному поставщику, например, такому как Amazon Web Services (AWS). Предприятия сокращают инвестиционные затраты на покупку оборудования и наём специалистов и платят только за доступ к облаку, т. е. к серверам компаний, специализирующихся на этой деятельности.

Этот процесс аналогичен переходу компании от собственного производства электроэнергии к подключению к электросети. По мнению Карра, “коммунальные службы” облачных вычислений, как и электроэнергетические компании до них, достигают эффекта масштаба, гораздо большего, чем отдельные компании могли бы достичь с помощью своих собственных систем. Если в случае электричества технологией, позволившей осуществить этот переход, был переменный ток, то для компьютерной сети такими технологиями стали оптоволокно и широкополосная связь, которые позволяют передавать огромное количество данных, не перегружая сеть.

Это изменение в способах использования компьютеров и серверов не произошло в одночасье. Когда в 1990 году Тим Бернерс-Ли изобрёл Всемирную паутину, были представлены простые в использовании браузеры Netscape Navigator и Internet Explorer, с помощью которых любой мог получить доступ в Интернет. В основе сети лежали мощные технологии, в том числе сложные протоколы для кодирования и передачи данных, которые обещали не только значительно увеличить полезность Интернета, но и преобразовать сами вычисления. Большим ограничением была низкая пропускная способность медных проводов, поэтому цифровая деятельность по хранению или резервному копированию данных интернета вещей, управление информацией и многие другие виды ИТ-деятельности оставались запертыми внутри предприятий. Развитие технологий передачи данных позволило перенести эту деятельность вовне – в компании, специализирующиеся на этом.

По словам Карра, после передачи операций центра обработки данных сторонним компаниям, таким как Amazon или Google, облачные вычисления стали выполняться с использованием сотен тысяч компьютеров и их серверов, что превратило World Wide Web в World Wide Computer.

Volkswagen Industrial Cloud

В марте 2019 года Volkswagen и Siemens объявили о создании Volkswagen Industrial Cloud, разработанного совместно с AWS на платформе Mind-Sphere IoT от Siemens.

Volkswagen Group считает, что этот проект закладывает основу для безграничной цифровизации производства и логистики, которая подразумевает интеграцию в единое целое всех звеньев цепочки поставок Volkswagen, охватывающей более 30 тыс. населённых пунктов и 1,5 тыс. компаний-поставщиков и партнёров. На первом этапе к его Industrial Cloud присоединятся ABB, ASCON, BearingPoint, Celonis, Dürr, Grob-Werke, MHP, NavVis, Syna-OS, Teradata и Wago.

Чтобы производить 11 млн (350 моделей) автомобилей в год, заводы Volkswagen используют 200 млн деталей в день, или 60 млрд в год. Чтобы справиться с этим огромным потоком, генерируемым глобальной цепочкой поставок, требуется гигантский центр хранения и обработки данных.

В будущем Industrial Cloud будет охватывать все заводы Volkswagen по всему миру и её глобальную цепочку поставок, а также облегчать обмен данными между системами и заводами. Система основана на технологиях AWS в области интернета вещей (IoT), машинного обучения, анализа данных и вычислительных услуг, которые были расширены специально для удовлетворения требований Volkswagen и автомобильной промышленности в целом. Данные о нескольких сотнях тысяч автомобилей и заводских деталей будут записываться датчиками и анализироваться стандартизированными приложениями на облаке. На заключительном этапе разработки общий объём ежедневно обрабатываемой информации будет соответствовать объёму данных небольшого города в Германии (*Automotive World*, 02.09.2020).

Облачные технологии – это ещё один шаг в процессе мировой централизации капитала, в преобразовании сотен компаний-поставщиков компонентов, разбросанных по всему миру, в один большой глобальный организм, в один завод, руководимый производителем автомобилей, в данном случае Volkswagen. Превращение World Wide Web в World Wide Computer – это переход мирового значения, вроде того, что Маркс иллюстрирует в 13-й главе “Машин и крупная промышленность” 1-го тома “Капитала”, где фабрика описывается как гигантский автомат, в котором наёмные рабочие являются лишь маленькими зубьями большой шестерни.

С помощью World Wide Computer Volkswagen будет диктовать сроки производства и поставок десяткам тысяч фабрик по производству компонентов по всему миру. Это сократит рабочее время, необходимое для производства автомобиля, и повысит норму прибыли, поскольку, как объясняет глава Volkswagen Group Production Герд Уокер, «*Industrial Cloud станет ключевым рычагом для повышения производительности заводов на 30 %*», что позволит сэкономить несколько миллиардов евро (*Automotive World*, 29.04.2020).

Lotta comunista, октябрь 2022 г.

Guido La Barbera

Lotta Comunista: в направлении партии-стратегии. 1953-1965

324 страницы, мягкий переплёт,
биографический справочник,
9 иллюстраций по тексту.
ISBN 978-5-9905528-4-5

Цена 350 руб.

Хиросима и Пекин

Пятого мая Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ) объявила о конце чрезвычайной ситуации, связанной с пандемией Covid-19. О научных и санитарных аспектах ситуации мы рассказываем на другой странице этого номера. Здесь же сфокусируемся на той части нашего класса, к которой, особенно в свете этого события, оказались прикованы взгляды наблюдателей – на *незаменимых* работников. Степень их незаменимости со всей очевидностью была продемонстрирована пандемией, и после её конца она, безусловно, не стала меньше.

Незаменимые работники после пандемии

Международная организация труда (МОТ) посвятила свой обзорный доклад *“Outlook 2023”* “Ценности незаменимого труда”. Во введении генеральный директор Жильбер Ф. Унгбо напоминает, что эти работники *«продолжали выполнять свою работу день за днём даже в разгар пандемии, при этом часто шли на крупные риски для самих себя»*. Устремляя взгляд в будущее, он добавляет: *«Ценить незаменимых работников – значит гарантировать, чтобы они получали адекватное вознаграждение и работали в хороших условиях»*. Как раз с этим и возникает проблема.

Кто эти работники и сколько их? Выделяют 8 основных групп, основываясь на сфере труда: здравоохранение, общепит, розничная торговля, безопасность, уборка и санитария, транспорт, ручной труд, технический труд и администрирование. В странах с высокими доходами доля таких рабочих составляет 34 %. Из них две трети заняты в здравоохранении (20,1 %), ручном труде (17,8 %), торговле (17,6 %) и на транспорте (10,4 %). Несмотря на их незаменимый характер, их зарплата почти на 20 % ниже, чем у остальных работников (на 29 % в Великобритании, на 25 % в Швейцарии).

В докладе содержатся ясные данные о величине доли рабочих-иммигрантов, которая, скорее всего, связана с уровнем заработной платы: в “развитых” странах она составляет 17 %, поднимаясь до 26 % в сферах уборки и санитарии. То есть доля иммигрантов в этой сфере выше, чем в среднем по стране.

Кто поддерживает восстановление

Это замечание важно для понимания текущей ситуации. Постковидное экономическое восстановление всё больше опирается на иммигрантскую рабочую силу. Показателем пример Германии. Немецкое агентство труда подсчитало, что январь был отмечен рекордной занятостью в Германии: 45,57 млн занятых, что на 454 тыс. больше, чем в январе прошлого года. При этом на 95 % это увеличение произошло благодаря притоку иммигрантов.

Восстановление занятости после её падения в пандемию проявляется сейчас во всех “развитых” странах (OECD, *“Labour Market Situation”*, 13.04.2023): в Европейском союзе впервые с 2005 года её показатель достиг 70,1 %, что на целых 3 процентных пункта больше, чем в пандемийный 2020-й. Рекордные

уровни зарегистрированы также в Германии (77,3 %), Франции (68,3 %) и Италии (60,7 %).

Можно считать, что в отношении веса иммигрантов в идущем восстании немецкий кейс имеет ценность как иллюстрирующий общую ситуацию, учитывая неоднократно зарегистрированный дефицит рабочей силы. В Италии данные Unioncamere-Ancpa показывают, что через 5 лет потребность в новых рабочих составит 3,8 млн: из них 2,7 млн должны будут заменить тех, кто в скором времени покинет рынок труда, ещё 1 млн нужен для поддержания запланированного экономического роста. Это значит, что ежегодно потребуется 760 тыс. новых рабочих (*Il Sole-24 Ore*, 19.04.2023). В одном только секторе туризма и торговли уже в этом году нужно найти на 560 тыс. рабочих больше, чем в 2022 году, из них 40 % (230 тыс.) будет тяжело отыскать. А в остальном можно уже предвидеть, что в 2030 году нехватка людей трудоспособного возраста от 15 до 64 лет составит 2 млн.

Использовать рычаг

Нехватка рабочей силы – это рычаг, который можно использовать в переговорах об условиях контрактов. Тот же немецкий кейс показывает, какой вес имеет фактор “рынка”. *Nandelsblatt* от 2 мая пишет, что *«спустя годы сдержанности в плане зарплат представители рабочих в результате массовых забастовок снова добились хороших условий по контрактам, что мобилизовало сотрудников»*. Однако часть “заслуги” отходит как минимум структурным условиям: *«Перед лицом нехватки рабочей силы, обострившей демографическими изменениями, растёт переговорная сила рабочих»*. Что касается профсоюзов, газета напоминает, что в Германии лишь 1 рабочий из 6 числится членом организации, что *«уменьшает их силу»*.

Мы знаем, что рынок хаотичен и неконтролируем в силу своей природы: сегодня даёт, завтра отбирает. Но именно поэтому рабочие и должны пользоваться благоприятными условиями, и готовить сани летом. На этом поле воля и организация увеличивают шансы воспользоваться случаем, а не упустить его.

Результаты заключения новых контрактов в Германии в эти месяцы отражают черту момента. И всё равно, увеличение заработной платы так и не перекрывает целиком инфляцию. Leibniz-Institut für Wirtschaftsforschung Halle (IWH) провёл исследование 4 последних соглашений: у химиков, электромехаников, работников почты и госслужащих. Во всех четырёх случаях анализ показал, что если в 2023 году инфляция может быть компенсирована (за исключением химиков), то в 2024-м ни один контракт не будет на это способен, только если не произойдёт значительного падения цен.

Это совсем не значит, однако, что контракты бесполезны, наоборот. Исследование WSI, посвящённое контракту металлистов, отмечает, что у рабочих предприятий, подписавших соглашения, зарплата в среднем на 11 % выше, а рабочее время на 54 минуты в неделю

Хиросима навсегда останется в истории как доказательство варварства капитала. 150 тыс. смертей от атомной бомбы под занавес величайшей войны империалистического передела. Японский империализм бросил вызов американскому в борьбе за контроль над Китаем и Тихим океаном и вышел из сражения разрушенным. Потребовался саммит Большой семёрки, чтобы вспомнить также и смерти корейцев числом минимум 20 или даже 50 тыс., если учитывать жертв бомбардировки Нагасаки. По большей части это были рабочие, отправленные на принудительные работы на местные фабрики: малоизвестно, что военные планировщики в Вашингтоне выбрали в качестве целей Хиросиму и Нагасаки в том числе из-за высокой плотности промышленности, чтобы разбить моральный дух японского рабочего класса. Бомба была также намеренным атомным холокостом для десятков тысяч пролетариев.

Сегодня звучит просто как издевательство и невероятное лицемерие тот факт, что Япония выбрала Хиросиму как место проведения саммита Большой семёрки, хотя совсем недавно приняла самый большой со времён второй мировой войны план перевооружения, а на саммите обсуждала, как поддерживать ядерное сдерживание Китая, России и Северной Кореи. Не один месяц стратегические дебаты в Токио отражаются на дебатах в Сеуле, обсуждается надёжность американского ядерного зонтика, а вполголоса более не исключают того, что Южная Корея и Япония рано или поздно должны будут обзавестись собственной бомбой.

Но это далеко не всё. Группа семи возникла в 70-е годы как консорциум наиболее индустриализованных стран. Соединённые Штаты, вышедшие победителем из второй мировой войны, должны были пригласить Европу и Японию, вчерашних проигравших, в управление мировым порядком. Это было *разбойничье логово империализма*, как сказал бы Ленин. Сегодня у порога стоит *новый разбойник* – это Китай, и он огромен. На протяжении десятилетий он был объектом раздела со стороны Запада и Японии, а сегодня претендует на свой кусок пирога мировых рынков. Большая семёрка возрождается в антикитайском ключе. Вероятно, майский саммит снова отпечатает имя Хиросимы в истории как место и дни, когда старые державы решили, что Пекин стал слишком сильным и слишком автономным, чтобы его можно было кооптировать, настолько что его нужно сдержать и побороть. Они возложили венки в память вчерашней войны, но в это же время засеяли семена войн завтрашних. Только интернационалистическое единство всех пролетариев может остановить их.

меньше, чем у тех, которые не связаны контрактными обязательствами. Проблема заключается в том, что сегодня только 52 % немецких рабочих заняты на предприятиях, на которые распространяется коллективный контракт, – в 2000 году таких было 68 %. Сила всегда относительна.

Решительная борьба

В Италии правительство кладёт деньги в карманы рабочих, ставя профсоюзы перед фактом. Суммы, однако, недостаточны для компенсации инфляции: эти выделенные 1 мая дополнительные ежемесячные 50 евро в среднем составляют лишь половину того, что съедает 8 %-ная инфляция (не говоря о том, что стоимость “потребительской корзины” увеличилась на 12 %), и эта сумма всё ещё меньше, чем годовая *разовая* выплата в 3 тыс. евро, завоёванная немецкими рабочими в рамках их новых контрактов. Стоит упомянуть и декрет итальянского министерства труда, который предполагает налоговые послабления: последовательное увеличение облагаемых налогом доходов имеет парадоксальное следствие в виде усиления налогового бремени. Из 4 млрд евро, которые государство направляет на эту меру, 1,1 млрд финансируется из налогов, то есть *оплачивается*

теми же самыми рабочими, которым эта мера должна была бы помочь.

Что касается продолжительности действия декрета, посмотрим: на данный момент речь идёт о единовременной мере, рассчитанной на 6 месяцев, однако очень вероятно (об этом заявили заинтересованные стороны), что правительство хочет продлить её как минимум на год, который помимо прочего является годом в преддверии выборов – в памяти всплывает прецедент, когда правительство Маттео Ренци раздало по 80 евро перед европейскими выборами. Им, однако, придётся считаться с ограничениями дефицита бюджета и контролем со стороны Брюсселя.

Рабочие не могут довольствоваться всем этим: они не могут жить надеждами, но нуждаются в признании их собственных интересов. К тому же сейчас открыты или скоро откроются переговоры по коллективным договорам у 7 млн рабочих. Если немецкий опыт о чём-то и говорит, так это о том, что шанс есть: нужно объединить силы, чтобы использовать ситуацию на рынке труда, которую мы описали. И сочетать это с инициативами борьбы, чтобы мобилизовывать, объединять и влиять.

Lotta comunista, май 2023 г.

Наука и борьба в “Капитале”

20-й том “Сочинений” Маркса и Энгельса, опубликованных итальянским издательством Lotta comunista, охватывает период с сентября 1864-го по июль 1868 года. Эти 4 года можно считать решающими как для процесса разработки марксистской науки, так и для процесса её конкретного распространения в рабочем движении.

В сентябре 1867 года, после не менее 15 лет работы, Маркс опубликовал I том “Капитала”. Тремя годами ранее, в сентябре 1864-го, в Лондоне был основан Первый интернационал – Международное товарищество рабочих (МТР) – первое крупное средство распространения марксистской науки среди рабочего класса наиболее капиталистически развитых стран того времени. Однако этого было недостаточно, поэтому в тот же период была предпринята вторая и наиболее успешная попытка построить независимую партию рабочего класса в Германии благодаря основанию в 1863 году Всеобщего германского рабочего союза (ВГРС) Фердинанда Лассалья. Эта инициатива не осталась изолированной, поскольку в противовес ассоциации Лассалья в 1866 году была основана Федерация немецких рабочих обществ (VDAV; Vereinigung Deutscher Arbeitervereine) во главе с Вильгельмом Либкнехтом и Августом Бебелем. [...]

На этих страницах мы не сможем изложить даже самое существенное содержание такого сложного и глубокого труда, как “Капитал”, а ограничимся лишь выделением основного аспекта, который обычно упускается из виду: “Капитал” мыслился Марксом как труд политической науки и как орудие революционной борьбы. Как сам Маркс писал 17 апреля 1867 года Иоганну Филиппу Беккеру: «Это, бесспорно, самый страшный снаряд, который когда-либо был пущен в голову буржуа (в том числе и земельных собственников)»¹.

Очень часто в академических кругах и буржуазной печати можно встретить описание Маркса как великого экономиста, а “Капитала” – как одного из главных, если не самого главного, инструмента интерпретации экономических законов, управляющих современным индустриальным обществом. И всё же эти похвалы сопровождаются неизбежным предупреждением, что Маркс – “учёный”-экономист не имеет ничего общего с Марксом – “идеологом” коммунизма, почти как если бы это был случай шизофрении. Эта интерпретация не имеет под собой реальной основы. Несомненно, во многих частях “Капитала” тон и стиль авторского изложения могут создать у невнимательного и поверхностного читателя впечатление, что он имеет дело со стерильным академическим и отстранённым текстом – эффект, который, как признавал сам Маркс, был отчасти преднамеренным. 22 февраля 1858 года Маркс предупреждал Лассалья относительно своей работы “К критике политической экономии”: «Изложение, – я имею в виду манеру его, – вполне научно, следовательно, не

противоречит обычным полицейским требованиям»². Иначе и быть не могло: издание в Германии 1867 года такого произведения, как “Капитал”, требовало как минимум осмотрительности и взвешивания своих слов, с тем чтобы не нарваться на цензуру прусского бюрократически-полицейского режима. Однако при ближайшем рассмотрении можно увидеть, что от первой до последней страницы эта работа пронизана мужественным и полемическим партийным духом, никогда, однако, не наносящим ущерба строгости научного анализа характерных черт капиталистического способа производства, который проводится лаконично и неутомимо. С другой стороны, для “Капитала” нехарактерна ограниченность академических трудов по политической экономии, которые фактически сводят предмет к отношениям между вещами и изолируют его от бесконечной сети связей, соединяющих эту область с реальной жизнью, с обществом во всей его сложности и, следовательно, с политикой. Это так потому, что научная цель, оживляющая работу, как раз и состоит в том, чтобы сделать закономерности в сфере экономики ключом к интерпретации социальных, идеологических и политических явлений.

Точно так же, если не понимать его значение неправильно, “Капитал” не может быть сведён к простому осуждению жестокости дикой эксплуатации труда рабочих с целью выживания из них прибавочной стоимости. Чисто романтическое, сентиментальное и морализирующее обличение капиталистической эксплуатации во имя таких абстрактных принципов, как справедливость, равенство или простой гуманизм, представлялось Марксу тупым оружием. Напротив, в его видении раскрытие реальных отношений и законов их развития должно было имплицитно подразумевать и их критику и в то же время давать пролетариату инструменты для борьбы за собственное освобождение. [...]

Этот «научный анализ» характерных черт капиталистической общественной экономической формации, начинающийся с детерминирующего её базиса и восходящий к выяснению движения «соответствующих надстроек», лежит в основе коммунистической политики и стратегии международной партии. Тем не менее этот подробный научный анализ ещё не является стратегией.

В своих рукописях о стратегии Арриго Черветто подробно разрабатывает этот вопрос, проводя различие между научным анализом и стратегией. Задача “Капитала”, его анализа, состоит в том, чтобы зафиксировать в понятной форме научной абстракции то, что «типично» для буржуазной общественной экономической формации, взяв за образец английскую “канву” и оставив на заднем плане многообразные, «частичные» формы, в которых ей суждено было конкретно исторически сложиться в самых различных широ-

тах. Как писал Маркс в своём предисловии 1867 года к первому изданию “Капитала”: «В этом причина, почему [Англия] служит главной иллюстрацией для моих теоретических выводов»³. Именно там Маркс определил «законы» капиталистической общественной экономической формации в их наиболее чистом виде, убеждённый, что дело именно в «этих законах» и «этих тенденциях» и что они будут господствовать во всемирном масштабе «с железной необходимостью»: «Страна, промышленно более развитая, показывает менее развитой стране лишь картину её собственного будущего»⁴. Товарному производству, образованию современных классов капиталистов и наёмных рабочих, эксплуатации наёмного труда и непримиримому антагонизму между этими классами и т. д. суждено было завоевать мир, и международное действие пролетариата должно было развиваться на этой объективной основе. [...]

В своих рукописях Черветто также отмечает, что анализ есть не что иное, как «научное исследование всеобщих законов движения. Вывод [Маркса] состоит в открытии этих законов (которые можно синтезировать в двух международных классах и их всеобщем отношении: прибавочной стоимости)».

А чуть выше он комментирует: «Анализ – это именно научное исследование рабочего класса (выходящее за пределы утопизма, политики и французского социализма). Класс может быть исследован и определён научно (а не эмпирически, т. е. тред-юнионистски или политико-морально) только в анатомии общества, в анатомии общественных отношений (производственных отношений). Другими словами, чтобы найти класс, нам нужно найти отношения между классами. Класса “самого по себе” не существует (день не существует без ночи)».

Однако научный анализ становится эффективным руководством к действию, только если ставится проблема стратегии. Черветто объясняет: «В отношениях между двумя классами (пролетариатом и буржуазией) мы имеем производство капитала (и здесь нет ни национального вопроса, ни стратегии: и всё это может быть сведено к одной программе)».

Но в общем процессе движения капитала мы обнаруживаем отношения между всеми классами: возникает проблема политических отношений между всеми классами.

Стратегия – проблема стратегии возникает на всех уровнях рынка (местном, национальном, мировом), поскольку различные классы есть на всех уровнях. И тогда возникает национальный вопрос, потому что если бы было только два класса, не было бы ни национального вопроса, ни стратегии. Точно так же, если бы не было национального (или международного) вопроса, не было бы и стратегии. Не существует национального вопроса “самого по себе”, как не существует и национальной стратегии

“самого по себе”: но есть национальный вопрос и национальная стратегия (т. е. частичное) именно потому, что есть международный вопрос и международная стратегия (т. е. типичное)».

Но есть ещё один момент, который необходимо уточнить: по Марксу, не может быть никакого научного анализа или тем более стратегии, если они не направлены на действие и, прежде всего, если они не подпитывают действие. Проблема диалектического отношения между двумя полюсами – теорией и практикой – являлась основным вопросом материализма Маркса со времён его первых программных деклараций. В “Тезисах о Фейербахе” (1845) Маркс писал: «Спор о действительности или недействительности мышления, изолирующегося от практики, есть чисто схоластический вопрос»⁵.

В этом смысле “Капитал” (1867) следует рассматривать как результат 20-летней партийной практики, 20-летней борьбы. Его написание было бы невозможным без партийной практики, которую, в свою очередь, партия должна продолжать испытывать в конкретной классовой борьбе. Вот почему Черветто писал: «Единственной исторической формой науки “Капитала” является партия. И она является ею не столько потому, что выступает пропагандистом его “обобщающих идей”, а скорее потому, что облекает его “скелет” “плотью и кровью” материальных фактов действительности, в которой она действует»⁶.

Lotta comunista, май 2022 г.

1 – Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 31. С. 453.

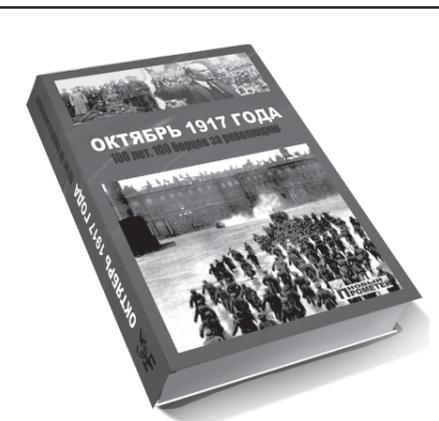
2 – Там же. Т. 29. С. 449.

3 – Там же. Т. 23. С. 6.

4 – Там же. С. 6, 9.

5 – Там же. Т. 3. С. 2.

6 – Черветто А. Классовая борьба и революционная партия. СПб.: АНО «ЦМИ “Новый Прометей”», 2014. С. 46.

**Октябрь 1917 года. 100 лет.
100 борцов за революцию**

364 страницы, твердый переплёт,
именной указатель, иллюстрации
по тексту, хронология
ISBN 978-5-9905528-6-9

Цена 300 руб.

Наука и классы

“Капитал” – произведение, родившееся в научной и политической борьбе. Он включает в себя: анализ развития, закономерностей и врождённых противоречий капиталистической системы, делающих её исторически преходящей; критику экономической науки – политической экономии, – выразившей интересы класса буржуазии в ходе его восхождения; критику апологетических идеологий, получивших распространение с тех пор, как буржуазия стала господствующим классом.

Реконструируя “теории прибавочной стоимости”, Маркс, с одной стороны, отводит центральное место понятию *прибавочной стоимости*, которое выражает общественное отношение между *капиталом* и *наёмным трудом*, между *буржуазией* и *пролетариатом*, являющееся основным противоречием капиталистического способа производства, а с другой – анализирует историю этого понятия, т. е. интерпретации процессов происхождения богатства, создания “излишков” и накопления, которые крупнейшие теоретики буржуазии предлагали на различных ступенях развития своего класса.

На теоретическом уровне история “теорий прибавочной стоимости” представляет собой великолепный материал для приложения исторического материализма к области отношений между основными классами и отражения их борьбы в формировании экономической мысли. На политическом уровне Маркс рассматривает понятие “прибавочной стоимости” как чёткую демаркационную линию с оппортунизмом. В своих “Экономическо-философских рукописях 1844 года” Маркс перечисляет тезисы, которые вульгарные экономисты противопоставляют уже имеющемуся понятию прибавочной стоимости, сформулированному Адамом Смитом и Давидом Рикардо, позже эта свора сфокусируется на противостоянии марксистскому анализу. Оппортунизм предпочитает “гуманистическую”, романтическую или пиетистскую терминологию, заменяя пролетариев бедными и обездоленными, эксплуатируемых – угнетёнными, рабочий класс – народом и гражданами, прибавочную стоимость – потом и мозолистыми руками. Это мелкобуржуазная иллюзия «сделать социализм симпатичным» буржуазии, как говорил Антонио Лабриола, упрекая Филиппо Турати. Оппортунизм усовершенствовал свои идеологии, сместив объектив с производственных отношений на отношения распределения, мистифицируя их и пряча прибавочную стоимость в “джунглях дохода”, в ручейках вэлфера или в узкой кабине “социального лифта”, что было востребовано в условиях формирования *рабочей аристократии* и *социального государства*, ставших инструментами империализма и *буржуазной рабочей партии*. [...]

В “Теориях прибавочной стоимости” Маркс выбирает в качестве привилегированных собеседников великих представителей буржуазной экономической науки. Таким образом он подвергает испытанию зарождающуюся науку пролетариата, сталкиваясь с самыми передовыми гигантами буржуазии, её самыми острыми умами, теми, кто на известных фазах капиталистического развития пытался делать *экономическую науку*, стремился представить не

только видимые ветви, «внешнюю видимость»¹ системы и мира, всё более и более переполненного товарами и деньгами, но и понять, какова их «внутренняя связь»², прилагал усилия к тому, чтобы объяснить их *генетику* и самую интимную *физиологию*. Естественно, они могли добиться успеха только в пределах, установленных самим развитием общества.

Маркс пишет в послесловии от 24 января 1873 года ко второму изданию “Капитала”: «Поскольку политическая экономия является буржуазной, т. е. поскольку она рассматривает капиталистический строй не как исторически преходящую ступень развития, а наоборот, как абсолютную, конечную форму общественного производства, она может оставаться научной лишь до тех пор, пока классовая борьба находится в скрытом состоянии или обнаруживается лишь в единичных проявлениях»³.

Черветто в своих тетрадях⁴, посвящённых методу, осторожно комментирует этот отрывок: «N. V.: ОЧЕНЬ ВАЖНО». «1) Классическая политическая экономия – это наука. Следует отметить, что целый ряд псевдомарксистских “гуманистов”, “практиков”, структуралистов стремится подчеркнуть аспект “научной критики идеологии политической экономии” и свести последнюю к идеологии. [...] 2) Маркс, с другой стороны, [объясняет], почему теория может оставаться наукой, даже если в ней содержится идеология: потому что историческое развитие ещё не детерминировало противоречие между научной и идеологической составляющими теории. 3) Другими словами, можно сказать: до того, как возникнут новые и сильные социальные интересы, историческое развитие ещё не может предопределить разрыв теории [...] 4) Эта диалектическая связь науки и идеологии важна, во-первых, для определения науки, во-вторых, для определения идеологии, в-третьих, для теории трёх источников марксизма и теории привнесения сознания извне».

Маркс продолжает: «Возьмём Англию. Её классическая политическая экономия относится к периоду неразвитой классовой борьбы. Последний великий представитель английской классической политической экономии, Рикардо, в конце концов сознательно берёт исходным пунктом своего исследования противоположность классовых интересов, заработной платы и прибыли, прибыли и земельной ренты, наивно рассматривая эту противоположность как естественный закон общественной жизни. Вместе с этим буржуазная экономическая наука достигла своего последнего, непереходимого предела»⁵.

Черветто комментирует: «сознательно» означает, что Рикардо «не мистифицирует и не имеет ложного осознания “объективной реальности”, то есть не совершает типичных операций идеологии. Поскольку он “сознательно” представляет объективную реальность, он выполняет работу науки, а не идеологии. Он идеолог лишь постольку, поскольку видит эту действительность не как развивающуюся, а как окончательную [наивно = идеологически]. Но так как эта действительность ещё не развила всех своих противоречий, то буржуазная наука может оставаться наукой. Это не вопрос воли, а важный пример того, как Маркс применяет понятие социальной

детерминации надстройки (в данном случае политической экономии). Более того, это пример тезиса Маркса, согласно которому, общество (и наука) решает лишь те проблемы, которые исторически уже возникли, назрели».

Остановимся ещё раз на той части комментария Черветто, где он говорит, что связь науки и идеологии «важна» для «теории привнесения сознания извне» – одного из столпов ленинистской теории партии. Сопроводим размышления Черветто образцовым диалектическим отрывком из “Нищеты философии”. Эту выдержку сделал сам Черветто. Заключительная часть раздела, посвящённого “методу”, из книги, которую можно было бы назвать “Анти-Прудон”, содержит очень важный с точки зрения истории классической экономической науки тезис, который Маркс будет использовать и в других случаях: в ходе своего восхождения буржуазия выработала научное видение общества, но всё изменилось, когда она «взяла верх»: «С этого момента прежний революционный класс становится консервативным»⁶.

Теория буржуазии деградирует от науки к апологии и идеологии, а пролетариат в лице своего авангарда начинает карабкаться по противоположному пути, поднимаясь от утопии к науке.

Процитируем отрывок из “Нищеты...” Маркса, выписанный Черветто: «Точно так же, как экономисты служат учёными представителями буржуазного класса, социалисты и коммунисты являются теоретиками класса пролетариев. Пока пролетариат не настолько ещё развит, чтобы конституироваться как класс, пока самая борьба пролетариата с буржуазией не имеет ещё, следовательно, политического характера и пока производительные силы ещё не до такой степени развились в недрах самой буржуазии, чтобы можно было обнаружить материальные условия, необходимые для освобождения пролетариата и для построения нового общества, – до тех пор эти теоретики являются лишь утопистами, которые, чтобы помочь нуждам угнетённых классов, придумывают различные системы и стремятся найти некую возрождающую науку. Но по мере того как движется вперёд история, а вместе с тем и яснее обрисовывается борьба пролетариата, для них становится излишним искать научную истину в своих собственных головах; им нужно только отдать себе отчёт в том, что совершается перед их глазами, и стать сознательными выразителями этого. [...] Но раз замечена эта сторона, наука, порождённая историческим движением и принимающая в нём участие с полным знанием дела, перестаёт быть доктринёрской и делается революционной»⁷.

Коммунистам больше не нужна утопия. Они должны стать интерпретаторами, знакомыми с полным массивом фактов, новых отношений между классами, понять, что должна быть освоена «наука, порождённая историческим движением». Маркс со времён “Немецкой идеологии” очень хорошо знал, что реальное движение порождается мировым рынком. Ранее «учёными представителями» были буржуазные экономисты, но теперь эта роль переходит к представителям пролета-

риата – коммунистам. В этом отрывке, написанном Марксом в июне 1847 года в его бельгийской эмиграции, накануне съезда, на котором Союз справедливых был преобразован в Союз коммунистов, мы можем увидеть первую формулировку концепции партии-науки и первые ростки понимания того, что «сознание может быть принесено рабочему только извне»⁸. Маркс намечает перспективу, выходящую за рамки непосредственной природы борьбы рабочих: наука о пролетариате созревает, «порождённая» реальным движением, а затем она, «принимаяющая в нём участие», становится революционной.

Маркс “ленинист” ещё до того, как Ленин стал марксистом. 1848 год и “Манифест Коммунистической партии” уже близко, но для развития “сознания, привнесённого извне” в организованную революционную силу потребуются ещё три поколения пролетариев и коммунистов.

Lotta comunista, октябрь 2022 г.

- 1 – Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 25. Ч. II. С. 398.
- 2 – Там же. С. 399.
- 3 – Там же. Т. 23. С. 14.
- 4 – Cervetto A. Opere. Vol. 6: Quaderni: metodo e scienza. Milano: Lotta comunista, 2015.
- 5 – Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 23. С. 14.
- 6 – Там же. Т. 4. С. 143, 144.
- 7 – Там же. С. 146.
- 8 – Ленин В. И. ПСС. Изд. 5-е. Т. 6. С. 79.

Арриго Черветто УНИТАРНЫЙ ИМПЕРИАЛИЗМ. ТОМ 1

2005, 796 страниц,
суперобложка,
18 карт по тексту, примечания,
биографический справочник,
алфавитный указатель.

ISBN: 2-912639-14-X

УНИТАРНЫЙ ИМПЕРИАЛИЗМ. ТОМ 2

2005, 736 страниц,
суперобложка,
21 карта по тексту, примечания,
биографический справочник,
алфавитный указатель.

ISBN: 2-912639-18-2

Цена каждого тома

300 руб.

Генезис политической экономии

ЭКОНОМИИ

В «Анти-Дюринге» Энгельс делает экскурс в историю «политической экономии»: «*Политическая экономия в более узком смысле, хотя и возникла в головах гениальных людей в конце XVII века, однако в своей положительной формулировке, которую ей дали физиократы и Адам Смит, по существу представляет собой детище XVIII века и стоит в одном ряду с достижениями современных ей великих французских просветителей, разделяя с ними все достоинства и недостатки того времени. [...] Новая наука была для [тогдашних экономистов] не выражением отношений и потребностей их эпохи, а выражением вечно разума; открытые ею законы производства и обмена были не законами исторически определённой формы экономической деятельности, а вечными законами природы: их выводили из природы человека. Но при внимательном рассмотрении оказывается, что этот человек был просто средним бюргером того времени, находившимся в процессе своего превращения в буржуа*»¹.

В области изучения экономики происходило то же самое, что и в других отраслях науки. [Арриго] Черветто делает следующее замечание, исходя из того, что происходило во Франции: «*Метафизика семнадцатого века – у Декарта и Лейбница – всё ещё была смешана с позитивным содержанием научных открытий в математике, физике, но в начале восемнадцатого века “позитивные науки” утвердились в качестве “автономных сфер”, отделённых от метафизики. Сама метафизика, в свою очередь, стала “пресной” и состояла из одних лишь идеальных понятий. Она утратила всякое доверие в практической конфигурации французской жизни*»². Это «отделение» затронуло и политическую экономию сверху донизу.

В единственной главе «Анти-Дюринга» (X главе второго отдела, посвящённого политической экономии), написанной Марксом, описываются генезис политической экономии и формы, которые она принимала в представлении своих первых великих героев. Маркс приводит два указания из «Капитала» и из «К критике политической экономии»: «*Политическая экономия [...] как самостоятельная наука возникает лишь в мануфактурный период*». «*Классическая политическая экономия [...] начинается в Англии с Петти, а во Франции с Буагильбера и завершается в Англии Рикардо, а во Франции Сисмонди*»³.

Итак, классическая политическая экономия утверждает себя на мануфактурной фазе капитализма, т. е. в тот период, когда машина играет ещё второстепенную роль в производстве, а производственные процессы несут преобладающий отпечаток ремесленных операций. Эволюция этой науки охватывает около полутора столетий, если рассматривать в качестве её временных границ даты публикаций основных трудов экономистов, цитируемых Марксом, – «Трактата о налогах и сборах» Петти 1662 года (первый акт генезиса политической экономии) и «Принципов политической экономии» Рикардо 1817 года (выражение и свидетельство её полного созревания).

В историческом контексте генезиса политической экономии наряду с таким фактором, как степень капиталистического развития, необходимо учитывать изменившееся соотношение сил в Европе и увеличение веса военных

расходов. Черветто исследует влияние этих факторов на формирование политических и экономических идей европейской буржуазии в серии статей начала 1990-х годов. В декабре 1993 года Черветто описывает изменения в отношениях держав, которые произошли на континенте за полтора века. Итальянское господство пришло в упадок во второй половине XV века, когда Венеция и Генуя ещё сохраняли своё торговое превосходство и способствовали промышленному развитию ломбардских и тосканских городов. «*Итальянский упадок принесёт с собой развитие политической теории Макиавелли. [...] Проблема военных расходов и того, на кого они ложатся, появляется в эпоху Нового времени из-под утончённого пера синьора Никколо*»⁴.

Черветто продолжает великолепный исторический синтез: «*Между упадком средиземноморского бассейна и подъёмом бассейна атлантического, начавшегося с открытия Америки, две ветви Габсбургов, испанская и австрийская, добились господства над Европой. Они создали союз разрозненных королевств, графств и провинций, доминировавший в течение полтора веков*».

Эта договорённость рухнула с началом Тридцатилетней войны (1618–1648), которая изменила соотношение сил в ущерб Испании и в пользу Франции. «*После Пиренейского трактата 1659 года, санкционировавшего поражение Испании, начинается упадок иберийской державы и ослабление Нидерландов*». «*Впоследствии, в ходе войн против Англии и по причине потери важных колоний в Америке и Азии, французское превосходство постепенно сходило на нет*».

Здесь Черветто вводит тему, которая с момента своего зарождения прямо или косвенно связывает политическую экономию, а до этого меркантилизм, с отношениями держав: «*Сто пятьдесят лет войн за превосходство в Европе несут с собой громадные расходы на армии, оружие и флоты. Военные расходы являются старой политической проблемой. [...] Испанская империя родилась богатой. Она поглощала ресурсы, открытые в Америке*»⁵.

Цитируя историка Пола Кеннеди, Черветто описывает дилеммы, возникающие у испанцев в связи с их чрезмерной экспансией: во второй половине XVI века они не могли ограничить военные расходы в Италии, так как она «*была в буквальном смысле внешним бастионом Испании на пути западной экспансии Османской империи*»; не удалось и сократить расходы во Фландрии во время Восьмидесятилетней войны (1568–1648) против голландцев; гарнизон Фландрии «*даже в разгар Тридцатилетней войны*»⁶ поглощал в пять или шесть раз больше денег, чем предназначалось Германии.

«*Стремительный упадок Испании был подготовлен расходами, – говорит Черветто. – В середине семнадцатого века уже начался подъём таких стран, как Франция, Великобритания, Россия, Австрия и Пруссия, в то время как в упадок приходят Испания, Нидерланды, Швеция, Турция и Польша*»⁷.

В предисловии от 5 мая 1885 года ко II тому «Капитала» [...] Энгельс описывает путь Маркса: его материалистическое видение сначала дало ему ключ к постижению исторического значения понятия прибавочной стоимости и его сейсмической силы в борьбе классов;

затем – метод и порядок, использованные для определения, размещения и соединения всех необходимых частей мозаики «Капитала» в рамках живых сил, находящихся в непрерывных метаморфозах, которые в конечном счёте подчиняются специфическим законам капиталистического способа производства. Маркс исследовал и развил фундаментальные следствия разделения капитала на постоянный и переменный, которое могло быть сделано только с классовой точки зрения; попутно Маркс разрешил великое неразрешённое противоречие в теории стоимости Рикардо, которое в конце концов обрекло его школу на крах.

«*Он видел, что [...] речь шла не о простом констатировании экономического факта, не о противоречии этого факта с вечной справедливостью и истинной моралью, но о таком факте, которому суждено было произвести переворот во всей политической экономии и который давал ключ к пониманию всего капиталистического производства, – давал тому, кто сумел бы им воспользоваться*».

Так же как [Антуан-Лоран] Лавуазье [в области химии], Маркс в своей сфере исследовал все ранее найденные категории. «*Для того чтобы знать, что такое прибавочная стоимость, он должен был знать, что такое стоимость. Прежде всего необходимо было подвергнуть критике саму теорию стоимости Рикардо. Итак, Маркс исследовал труд со стороны его свойства создавать стоимость и в первый раз установил, какой труд, почему и как образует стоимость, установил, что стоимость вообще есть не что иное, как кристаллизованный труд этого рода, – пункт, которого до конца дней своих не понимал Родбертус. Маркс исследовал затем отношение товара и денег и показал, как и почему – в силу присущего ему свойства стоимости – товар и товарный обмен должны породить противоположность товара и денег; его основанная на этом теория денег есть первая исчерпывающая теория их, получившая теперь всеобщее молчаливое признание. Он исследовал превращение денег в капитал и доказал, что оно основывается на купле и продаже рабочей силы*».

«*Поставив на место труда рабочую силу, свойство создавать стоимость, он разом разрешил одно из затруднений, которое привело к гибели школу Рикардо: невозможность согласовать взаимный обмен капитала и труда с рикардовским законом определения стоимости трудом. Лишь установив разделение капитала на постоянный и переменный, Маркс смог до деталей изобразить действительный ход процесса образования прибавочной стоимости и таким образом объяснить его, чего не сделал ни один из его предшественников; следовательно, он установил различие в самом капитале, различие, с которым решительно не в состоянии были справиться ни Родбертус, ни буржуазные экономисты, но которое даёт ключ для решения самых запутанных экономических проблем [...] [...] Далее, он исследовал саму прибавочную стоимость, открыл две её формы: абсолютную и относительную прибавочную стоимость, и показал, какую различную, но в обоих случаях решающую роль играли они в историческом развитии капиталистического производства. Основываясь на теории прибавочной стоимости, он развил пер-*

вую рациональную теорию заработной платы, какую мы теперь только и имеем, и впервые дал основные черты истории капиталистического накопления и изложил его исторические тенденции»⁸.

Связанное с написанием «Теорий прибавочной стоимости» теоретическое сражение до сих пор многому может научить новые поколения марксистов.

Lotta comunista, ноябрь 2022 г.

1 – Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 20. С. 155.

2 – Черветто А. Метод и партия-наука. СПб.: АНО «ЦМИ “Новый Прометей”», 2012. С. 101.

3 – Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 20. С. 237.

4 – Черветто А. Метод и партия-наука. СПб.: АНО «ЦМИ “Новый Прометей”», 2012. С. 84.

5 – Там же. С. 85 (перевод исправлен).

6 – Кеннеди П. Взлёты и падения великих держав: Экономические изменения и военные конфликты в формировании мировых центров власти с 1500 по 2000 г. Екатеринбург: Гонзо, 2018. С. 93.

7 – Черветто А. Метод и партия-наука. СПб.: АНО «ЦМИ “Новый Прометей”», 2012. С. 86.

8 – Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. Изд. 2-е. С. 20, 21.

Степлов Ю.М.

**Первый интернационал:
Международное товарищество
рабочих. 1864-1872**

512 стр., твёрдый переплёт, издание дополнено предисловием издателя, биографией автора, приложением из документов Первого Интернационала, работ К. Маркса и Ф. Энгельса, относящихся к данной тематике, а также статей Д.Б. Рязанова «Международное товарищество рабочих. I. Возникновение первого Интернационала»

(из книги: Архив К. Маркса и Ф. Энгельса, кн. 1, М., 1924), хронологией, фотографиями, биографическим справочником, перечнем упомянутых в книге периодических изданий и примечаниями.

ISBN 978-5-9905528-1-4

Цена 450 руб.

Законы движения капитала

Летом 1861 года Маркс возобновил систематические исследования «к критике политической экономии», которые он приостановил в мае 1858-го, [и] начал новую серию из 23 тетрадей, написанную за 24 месяца. [...]

Тетради были для Маркса, прежде всего, рабочим инструментом, средством организации мысли. В них сохранились черновые заметки, иногда упорядоченные и доработанные и ожидающие момента, когда они войдут в версию, предназначенную для публикации. Первым адресатом разворачивающихся в них разъяснений являлся сам их автор, в соответствии с методом, намеченным Марксом и Энгельсом при написании «Святого семейства» и «Немецкой идеологии». Эта рабочая практика была подтверждена Марксом, когда он готовился придать законченную форму своим исследованиям, в разгар кризиса 1857 года: «Совершенно необходимо для публики вскрыть самую основу вещей, а для меня лично – освободиться от этого кошмара»¹.

Работая над 45 тетрадями выписок, собранных между 1844 и 1853 годами, и над другими материалами, Маркс составил семь тетрадей «Экономических рукописей 1857–1859 годов», также подготовительных, но уже содержащих путеводную нить анализа обращения капитала и денег. Такие работы по политической экономии, изданные самим Марксом в их окончательном виде, как «К критике политической экономии» и I том «Капитала», являются не только шедеврами научной строгости, но и непревзойденными литературными произведениями с точки зрения стиля, вдохновения и страстности. Хотя эти тетради и не вполне закончены, они являются драгоценным источником для тех, кто хочет пойти по стопам основоположника научного коммунизма в крутом подъеме по кругам капиталистической системы через неопределенность её первичных элементов, их артикуляций и метаморфоз, а также мистифицированные представления учёных господствующего класса.

В этом введении мы намерены представить некоторые центральные узлы анализа Маркса и некоторые его «драгоценные приёмы»², по определению Ленина и Плеханова. Нам представляется полезным взглянуть на то, как при подготовке «Капитала» Маркс артикулирует идею «о естественно-историческом процессе развития общественно-экономических формаций»³. Научная методология Маркса лежит в основе нашего понимания классовой партии. Арриго Черветто писал: «Скажем больше: “драгоценные приёмы”, поскольку они есть инструмент анализа общественной жизни, являются действием, партией»⁴.

Уже с первых своих исследований работ классиков буржуазной политической экономии Маркс сформулировал представление об экономических формах как находящихся в движении процессах. Открытие «закон[ов] движения капитала»⁵ – вот программа работы, которой учёный-революционер Маркс посвятил всю свою жизнь. В предисловии 1867 года к первому изданию «Капитала» Маркс указывает в качестве цели своей работы «открытие экономическо-

го закона движения современного общества»⁶. Формулу же «закон[ов] движения капитала» двадцатилетний Маркс как бы между прочим, но далеко не случайно впервые употребил в «Экономическо-философских рукописях», написанных в Париже в 1844 году. Это произошло в процессе попытки исследовать превращение земельной ренты в Германии, ещё обременённой феодальными пережитками, в капиталистическую ренту. С точки зрения материалистического понимания истории, это превращение происходило в течение многих веков, порождая множество социальных сочетаний землевладельцев-рантье с зарождающейся буржуазией и сопровождалось развитием городов и различных форм централизации государственной власти. Этот процесс с различной степенью интенсивности оживлял значительную часть истории борьбы между классами и государствами в Европе, по крайней мере с XIV века Чёрной смерти и восстаний чомпи до Французской революции и войны за национальное объединение XIX века и далее, а также истории Японии и России второй половины XIX и начала XX века.

В упомянутом произведении Маркс приводит четыре «необходимо», которые должны довести этот процесс до крайности: «Необходимо [...], чтобы господство собственника выступило как чистое господство частной собственности, капитала, вне всякой политической окраски; чтобы взаимоотношение между собственником и работником свелось к экономическому отношению эксплуататора и эксплуатируемого [...]. [...] Необходимо, чтобы неподвижная монополия превратилась в подвижную и беспокойную монополию, в конкуренцию, а праздное наслаждение плодами чужого кровавого пота – в активную торговлю ими [...] необходимо, чтобы в процессе этой конкуренции земельная собственность в образе капитала продемонстрировала своё господство как над рабочим классом, так и над самими собственниками, разоряемыми или возносимыми выше согласного закона движения капитала»⁷.

В этом отрывке содержится одно из самых плодотворных семян, из которых потом вырастет стратегия пролетариата. Тот факт, что процесс носит характер необходимости, не означает, что известны время и пути его развития. Исторический опыт показывает, что эта «необходимо» наступающая переменна, если её предоставить самой себе, часто становится ареной подавленной или прирученной борьбы и бесконечных компромиссов между помещиками и богатой буржуазией. Но если эту «подвижную и беспокойную» динамику довести до «необходимых» крайних последствий, то она вызовет ряд разрывов, ускоренное разложение феодальной ренты, прилив пролетаризации крестьянских масс. Наряду с явным и прямым «господством» капитала, этот процесс активизирует развитие сил и характера «рабочего класса». Такова стратегическая схема Маркса для Германии того времени и Ленина для России 1905 года в рамках международной стратегии революционного марксизма. «[Законы] движения капитала» – не просто объект исследования, а поле для

классовых действий. Наука и борьба сливаются в революционной стратегии.

Эта идея полностью раскрытого процесса – вплоть до его ниспровержения – и есть тот метод, который Маркс применяет в критике великих господствующих учений буржуазии. Маркс сначала открывает для себя эти учения, а затем становится их скрупулёзным исследователем и непримиримым критиком, но всегда признаёт в них научный мотив зарождающейся промышленной буржуазии. Адам Смит и Давид Рикардо, а до них в XVII веке Уильям Петти, в своём видении общества и экономики искали некий объединяющий принцип, на что указывали в своих работах. Однако это также граница, за которую они не могли выйти, сколько бы ни углублялись в предмет. Когда современная классовая борьба ещё не была развита, классическая политическая экономия имела ту заслугу, что смотрела на противопоставление интересов крупных классов отстранённым взглядом, без страха, но с иллюзией, что это противопоставление есть просто «естественный закон общественной жизни». Таково было видение Давида Рикардо, и он достиг «последнего, непреходимого предела», выявленного первым капиталистическим кризисом 1825 года, которого не заметил, и подъёмом пролетарской борьбы, приведшей к континентальной революции 1848 года. Это был врождённый предел политической экономии: «Поскольку политическая экономия является буржуазной, т. е. поскольку она рассматривает капиталистический строй не как исторически преходящую ступень развития, а наоборот, как абсолютную, конечную форму общественного производства, она может оставаться научной лишь до тех пор, пока классовая борьба находится в скрытом состоянии или обнаруживается лишь в единичных проявлениях»⁸.

С аналогичной дилеммой столкнулась и философия Гегеля. Достигнув материалистического видения истории, Маркс должен был свести счёты с идеалистической диалектикой Гегеля, которая «стоит на голове», и «поставить [её] на ноги, чтобы вскрыть под мистической оболочкой рациональное зерно». Это никак не помешало ему признать, что Гегель «первый дал всеобъемлющее и сознательное изображение её всеобщих форм движения»⁹.

Маркс и Энгельс признавали открытия величайших мыслителей буржуазии, но отрицали их абсолютную и вечную, естественную и окончательную ценность, на которую они претендовали. Наши учителя обнажили противоречия и непоследовательность этих открытий, доведя анализ буржуазного экономико-социального организма до раскрытия преходящего характера его законов, конечных последствий капиталистической конкуренции в отношениях между компаниями и нациями; указали на истинный «закон народонаселения» при капитализме, на последствия концентрации капитала для нормы прибыли, на исторические последствия антагонистического противоречия между наёмным трудом и капиталом. Там, где политическая экономия искала универсальные и постоянные законы, Маркс находил вместо них «закон[ы]

движения капитала», преходящие и обречённые на загнивание и гибель.

Рикардо (в 1817 году), Мальтус (в 1820-м), Джон Стюарт Милль (в 1848-м) назвали свои основные работы «Принципы политической экономии». Адам Смит дал книге IV «Исследования о природе и причинах богатства народов» (1776), сосредоточенной на полемике с меркантилистами, заголовок «О системах политической экономии». «Критика политической экономии» – это поле, выбранное Марксом и Энгельсом для сопоставления себя с великими учёными господствующего класса, ибо теоретическая борьба с наиболее сильными и признанными противниками была условием подъёма рабочего класса на высоту его исторической миссии. По этой причине «Капитал» – это книга, рождённая в борьбе, это научная работа пролетарской революции. Выбор Маркса и Энгельса в пользу вскрытия достоинств и пороков «политической экономии» уже содержал принцип, позднее утверждённый Лениным: «[...] без революционной теории не может быть и революционного движения»¹⁰.

Lotta comunista, декабрь 2022 г.

- 1 – Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 29. С. 192.
 - 2 – Ленин В. И. ПСС. Изд. 5-е изд. Т. 1. С. 197.
 - 3 – Там же. С. 134.
 - 4 – Черветто А. Классовая борьба и революционная партия. СПб.: АНО «ЦМИ “Новый Прометей”», 2014. С. 46.
 - 5 – Маркс К. и Энгельс Ф. Собр. соч. Изд. 2-е. Т. 42. С. 82.
 - 6 – Там же. Т. 23. С. 10.
 - 7 – Там же. Т. 42. С. 82.
 - 8 – Там же. Т. 23. С. 14.
 - 9 – Там же. С. 22.
 - 10 – Ленин В. И. ПСС. Изд. 5-е. Т. 2. С. 462.
- Примечание: Ленин повторяет тезис Плеханова: «[...] без революционной теории нет революционного движения в истинном смысле этого слова» (Плеханов Г. В. Социализм и политическая борьба // Сочинения. В 24-х т. Т. II. М.; Л.: Государственное издательство, 1925. С. 71).

Джанлука Де Симоне
Большой Средний восток.
Кризисы и войны новой
стратегической фазы

384 страницы, мягкий
переплёт, карты, примечания,
биографический справочник.

ISBN 978-5-9905528-5-2

Цена 350 руб.